ПЕСЧАНЫЕ КОЛОКОЛА

А.М. Сунгурский

16+

А.М. Сунгурский

Песчаные колокола

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Песчаные колокола / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Колокола звонят под песком.По ночам под дюнами зажигаются окна и открываются лестницы к улицам погребённых городов. На рассвете входы исчезают.Проводник Степан Кольцов берётся провести незнакомку через эту пустыню. Она возвращается в город, где ей вынесен смертный приговор. И больше всего боится опоздать.В погребённых городах рассказывают разные истории о её преступлении. Одни встречные хотят её смерти. Другие готовы заплатить, чтобы она не добралась до места казни.Времени остаётся всё меньше. Человек, который должен помешать проводнику, уже идёт рядом.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плата за дорогу 5
Глава 2. Два ключа 11
Глава 3. За хозяйственной дверью 18
Глава 4. Город у печей 25
Глава 5. До утра 31
Глава 6. Человек с пустыми носилками 38
Глава 7. Обход 44
Глава 8. Звон без языка 50
Глава 9. Тень камня 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

А.М. Сунгурский
Песчаные колокола

Глава 1. Плата за дорогу

Песок посыпался из застёгнутой сумки, когда женщина поставила её на пол. Он был белый, очень мелкий, и на мокрых досках крыльца сразу потемнел. Женщина посмотрела вниз, словно доски подвели её, затем переставила сумку в другую руку.

Степан держал дверь мастерской плечом. Изнутри тянуло нагретой кожей: он только что закончил приклеивать заплату на старый рыбацкий сапог и теперь ждал, пока можно будет снять струбцину. Дождь перестал минут десять назад. На краю навеса ещё собиралась вода, и большая капля раз за разом падала на железный подоконник.

— Я к Кольцову, — сказала женщина.

— Я Кольцов.

Она была моложе его, но не настолько, как показалось сперва. В коротких волосах у виска белела прядь, а губы имели тот сухой цвет, который бывает после долгой дороги. Смотрела она внимательно, не задерживаясь на лице: плечо, руки, проём за спиной. Проверяла, одна ли здесь дверь.

— Мне сказали, вы ещё водите.

— Кто сказал?

— Антон из нижнего ряда.

Степан убрал плечо от косяка.

— Входите.

Она перешагнула порог, придерживая сумку подальше от ноги. Больше песок не сыпался. В мастерской женщина выбрала единственный стул, с которого была видна дверь, но сесть не успела: Степан снял со стула коробку с пряжками и только тогда показал ей, что можно.

— Антон умер, — сказал он.

— Я знаю.

— Три года назад.

— Он сказал мне раньше.

На столе лежали разобранные ремни, длинная молния и чужой детский рюкзак с оторванной лямкой. Степан отодвинул рюкзак на край, освободив место. Гостья ничего не поставила на стол. Сумку она держала между ногами, прижав ручки коленями.

— Как вас зовут?

— Ася Ремезова.

Он подождал, не добавит ли она ещё чего-нибудь. Ася тоже ждала. В этом молчании слышалась привычка к людям, которые сами определяют, сколько им следует сообщить.

— Куда вам?

— В город у белой стены.

Степан взял детский рюкзак обратно. Провёл большим пальцем по месту отрыва: хозяйка просила сохранить жёлтую нашивку с котом, а ткань под ней расползалась. Если поставить новую лямку прямо сюда, через неделю принесут снова.

— Я туда не хожу.

— До двух башен ходите?

— Иногда.

— Значит, сможете довести хотя бы туда.

— Иногда не значит сейчас.

Ася расстегнула сумку. Степан следил за её руками. Изнутри она вынула свёрток в серой ткани, положила на свободный угол и развернула. В ткани лежали деньги. Обычные деньги, которыми платили за сапоги, за крышу над мастерской и за газ; рядом с ними оказался плоский кожаный кошелёк, потёртый до блеска по краям.

— Половина здесь, — сказала она. — Остальное получите у стены.

— От кого?

— От меня.

— Вы там деньги оставляли?

— Не эти.

Она отвела взгляд к окну. За стеклом соседская кошка осторожно обходила мокрый край ящика с землёй. От ящика до забора было далеко, и кошка долго примерялась, прежде чем прыгнуть.

Степан накрыл деньги серой тканью.

— Я спрашиваю не из любопытства. Если идти, надо знать, что у вас есть на дорогу. И что вы собираетесь там делать.

— Еды я куплю. За ночлег заплачу. Если нужна другая одежда, скажите какая.

— Вы уже были под песком.

— Была.

— Давно?

— Восемнадцать лет.

В мастерской щёлкнула струбцина. Степан обернулся: с края сапога выступила капля клея, её нужно было убрать, пока не застыла. Он вытер кожу ветошью, проверил заплату и поймал себя на том, что медлит именно там, где работа уже закончена.

Восемнадцать лет. Антон ещё был жив и моложе, чем Степан сейчас. Сам Степан в то время не знал, почему отец хранил в буфете мешочек с песком и злился, когда мать принимала его за соль. Потом она перестала путать, а отец перестал возвращаться вовремя. Старые дороги умели пережидать людей; в этом не было ничего утешительного.

— За восемнадцать лет многое меняется, — сказал он, возвращаясь к столу.

— Я тоже.

— У вас там кто-то остался?

Она кивнула, но лицо её не смягчилось.

— Мне нужен проводник до стены. Если весь путь не возьмётесь, доведите до башен и найдите того, кто возьмётся дальше.

— Найти можно кого угодно. Я не могу за него отвечать.

— Тогда идите сами.

Он впервые посмотрел на неё с раздражением. Наёмные люди часто слышали это спокойное «тогда», за которым исчезало всё, что они до того объясняли.

— До стены три дороги, — сказал Степан. — Одну я не знаю. Вторая закрылась прошлой осенью. По третьей я ходил один раз и не с земли. Никто вам здесь не пообещает, сколько это займёт.

— До большого звона успеем?

— До какого?

Она расстегнула плоский кошелёк. Денег в нём не было: только светлая пластинка, обёрнутая бумагой. Ася положила её на стол так осторожно, будто та могла рассыпаться.

Степан не потянулся сразу. Пластинка была из необожжённой глины, высушенной до цвета кости. На одной стороне виднелись вдавленные знаки. Их нанесли не печатью: у последнего знака линия сорвалась, и мастер провёл по ней ещё раз. Внизу осталось углубление от большого пальца.

— Откуда это?

— Мне принесли.

— Сюда?

— В Астрахань.

— Когда?

— Позавчера.

Он поднял пластинку за два края. Глина была тёплой. Слишком тёплой для сырого утра, хотя ничто в мастерской, кроме сапога, не успело нагреться.

Знаки он знал не все, но для понимания хватало тех, что стояли по краям. Верхний означал белую стену. Нижний — последний большой звон перед переменой дороги. Тот, что посередине, проводники старались не возить с собой: четыре короткие черты вокруг длинной.

Степан положил пластинку обратно.

— Это не пропуск.

— Нет.

— Вы знаете, что тут написано?

— Знаю.

— Тогда зачем вам туда?

Она несколько раз провела пальцем по шву сумки. Шов был аккуратный, ручной, с короткими одинаковыми стежками. Степан заметил его ещё на крыльце; теперь понял, что женщина сама починила сумку и выбрала прочную нить, но не угадала, откуда просочится песок.

— Я должна прийти, — сказала Ася.

— Это про казнь.

— Да.

Он отодвинул от неё свёрток с деньгами, чтобы ткань не коснулась глины.

— Чью?

Ася подняла глаза.

— Мою.

За окном кошка наконец прыгнула. Когти скользнули по верхней доске забора; она удержалась, подтянула задние лапы и исчезла с другой стороны. Степан услышал её короткий обиженный крик — наверное, там опять сидела соседская собака.

Он встал и открыл дверь. Внутрь вошёл сырой воздух. Женщина не двинулась, только зажала ручки сумки крепче.

— Соберите деньги, — сказал он.

— Вы не спросили, за что.

— Я туда людей не доставляю.

— Вы доставляете до города.

— До города, где вас ждут убить.

— Да.

— Это одно и то же.

— Для меня не одно.

Она говорила по-прежнему негромко. Степану было бы легче, если бы она заплакала, стала торговаться или объявила себя невиновной. Он умел отказывать человеку, который пытался переложить на него своё решение. Эта женщина ничего не перекладывала. Она принесла готовое решение и просила помочь его исполнить.

— Вас ищут здесь? — спросил он.

— Нет.

— Угрожают кому-то вашему?

Она помедлила.

— Я не из-за угрозы пришла.

— Я спросил другое.

— Здесь никому не угрожают.

Степан прижал дверь ногой, не давая сквозняку захлопнуть её. Он увидел, как Ася спрятала глину обратно в кошелёк. Деньги она убирала уже без прежней осторожности, скомкав ткань вокруг пачек. У неё дрогнули руки, и одна купюра осталась лежать возле рюкзака. Женщина сразу её не заметила.

— Вот, — сказал Степан.

Она посмотрела на деньги, затем на него. Лицо её стало не злым, а усталым.

— Я могу пойти одна до первого города. Дальше кого-нибудь найду.

— Можете.

— Вы думаете, я говорю это, чтобы вы передумали?

— Я думаю, вы говорите всё, что может помочь вам уйти.

Ася забрала купюру. Подняла сумку, и из нижнего шва опять высыпалось немного песка. Теперь он лёг на чистый пол. Она посмотрела на россыпь с таким чувством, словно именно это было окончательной неудачей.

— Простите, — сказала она.

Степан подал ей щётку. Ася поставила сумку у порога и наклонилась. Он хотел сказать, что сам уберёт, но промолчал. Она смела песок на ладонь, задержала его там и выпрямилась.

— Куда?

Он указал на пустую жестяную банку возле печки.

Ася ссыпала песок. На дне он зашуршал с неожиданно высоким звуком. Степан посмотрел на банку, потом на её руку.

— Покажите ладонь.

Она не сразу подчинилась. На коже под мизинцем тянулся узкий белый рубец. Но Степан смотрел на другое: между линиями ладони остались три крупинки, совершенно чёрные среди светлой пыли.

Он не прикоснулся к ним.

— Кто принёс вам глину?

— Человек.

— Какой?

— Старый. С закрытым глазом.

— Глаз был завязан?

— Нет. Просто закрыт.

Степан убрал ногу от двери, и дверь медленно пошла к косяку. Он придержал её рукой.

— Он назвался?

— Сказал, что я его не помню. А он меня помнит.

— Что ещё?

— Что у меня есть время прийти.

— Сколько?

— Двенадцать ночей.

Степан посмотрел на глиняную крошку, оставшуюся на столе. Вдавленные знаки не требовали, чтобы женщина появилась живой. В таких пластинках вообще редко писали то, что имело значение для того, кто их получал.

— Если я узнаю, что вы собираетесь сделать по дороге что-нибудь, чего сейчас не сказали, я разверну караван, — произнёс он.

Ася не ответила сразу. Она всё ещё держала ладонь раскрытой, и три чёрные крупинки лежали на ней так ровно, будто были вколоты в кожу.

— Вы согласны?

— Я сказал «если».

— Я слышала.

Он принёс со стола пустой бумажный пакет и протянул ей. Она высыпала в него остатки песка. Степан свернул край, вытряхнул светлую россыпь из банки в мусорное ведро и положил пакет на её дно. Только после этого он позволил двери закрыться.

***

Василий пришёл ближе к вечеру, с двумя яблоками в кармане куртки. Одно он сразу положил на стол, второе начал тереть рукавом, будто в дороге оно успело сильно испачкаться.

— Ты чего трубку не берёшь?

— Работал.

— Я с утра тоже работал, но это никому не мешало мне звонить.

Он увидел чужую сумку у стены и остановился. Ася сидела возле окна. Степан принёс для неё второй стул от соседей; на первом теперь лежала снятая с сумки кожаная накладка. Он успел распороть нижний шов и вытряхнуть песок до того, как пришёл Василий.

— Здравствуйте, — сказал тот. — Вижу, вы уже договорились, а виноват опять буду я.

— Мы ещё не договорились, — ответил Степан.

— Это хуже. Когда договорились, хоть понятно, чего не делать.

Ася слегка улыбнулась. Василий заметил улыбку и положил перед ней второе яблоко. Первое, со стола, забрал себе.

— Василий.

— Ася.

— Вы далеко?

— До белой стены.

Он посмотрел на яблоко в своей руке, будто забыл, зачем его взял.

— Степан вас туда поведёт?

— Я надеюсь, — ответила Ася.

Василий повернулся к нему. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, а потом Василий откусил от яблока. Хруст прозвучал слишком громко.

— У нас там дела нет, — сказал он с полным ртом.

— Теперь может быть.

— У нас в городе дела есть.

Степан вынул из жестяной банки бумажный пакет. Рассыпал три чёрные крупинки на белой изнанке кожи. Василий проглотил яблоко и наклонился.

— Она откуда это взяла?

— Из сумки.

— А сумка откуда?

Ася поднялась.

— Сумка моя. Я привезла её домой восемнадцать лет назад. До позавчера в ней песка не было.

Василий посмотрел на неё уже иначе. Его веселость не исчезла совсем, но отступила, как человек отступает от стола, освобождая место для тяжёлой вещи.

— Что принесли?

Ася достала кошелёк. На этот раз Степан не просил показать глину: она сама положила её на стол знаками вверх.

Василий долго смотрел, затем взял своё недоеденное яблоко и отошёл к окну.

— Не знаю этой руки, — сказал он.

— Я про руку не спрашивал.

— А я заранее.

Степан накрыл крупинки бумажным пакетом. Ася стояла по другую сторону стола и ждала, пока они решат о ней что-то, чего она сама не могла решить деньгами.

— Завтра после заката, — сказал Степан. — Через двор. До первого города идём вместе. Там посмотрим, какая дорога открыта.

Василий резко обернулся.

— Ты Елене сказал?

— Скажу.

— Сначала скажи, потом назначай.

— Я уже назначил.

Ася медленно села. Она ничего не произнесла, не стала благодарить, и Степан оказался ей за это благодарен. Василий некоторое время глядел на них обоих, после чего положил огрызок в пустую банку. Он тут же звякнул о край.

— Из этой банки песок убрали? — спросил Василий.

— Убрали.

— Хорошо. А то ещё яблоня вырастет, а я крайний.

Ася снова улыбнулась.

Когда женщина ушла, оставив сумку до утра, Василий закрыл за ней дверь и вернулся к столу.

— Ты знаешь, кто она?

— Знаю, куда хочет попасть.

— Это не ответ.

— Она сказала, что там её должны казнить.

Василий сел на освободившийся стул. Смотрел он теперь не на глиняную крошку и не на деньги, а на руки Степана, лежавшие возле незаконченного шва.

— А ты что сказал?

— Что пойду с ней до первого города.

— Ей этого хватило?

— Как видишь.

Василий провёл ладонью по подбородку. Степан впервые за весь разговор заметил, как сильно он похудел за зиму.

— Ты давно решил уходить один?

— Что?

— Из дела. Давно?

— Я не ухожу один. Я вообще не собирался больше ходить.

— А теперь собрался.

Степан взял иглу, но промахнулся мимо проколотого отверстия. Острие вошло в старую кожу рядом со швом. Он вытащил его и положил иглу на стол.

— Вася, это одна дорога.

— Конечно, — сказал Василий. — Они у нас всегда по одной.

Он поднялся, надел куртку и забрал яблочный огрызок из банки. У двери оглянулся.

— Верёвку не бери старую. Я новую принесу.

Степан кивнул. Когда дверь закрылась, он ещё несколько минут сидел, не дотрагиваясь до работы. Потом перевернул сумку Аси и снова осмотрел распоротое дно.

Внутри не осталось ни одной песчинки. Он провёл пальцами по сухой подкладке, вывернул углы и только после этого начал зашивать.

Глава 2. Два ключа

Елена открыла не сразу. Из-за двери было слышно, как она разговаривает с кем-то по телефону и одновременно двигает что-то тяжёлое. Степан поставил пакет с хлебом на пол, снял куртку и взял её в другую руку. На лестнице было жарко.

Когда дверь наконец открылась, Елена держала телефон у плеча. Под правым глазом у неё белела полоска муки.

— Заходи, только не наступи.

У порога стоял противень. Степан подхватил пакет с хлебом, переступил через противень и едва не задел ногой миску.

— Марин, я тебе перезвоню. Да, пришёл. Нет, он ещё не знает.

Она закончила разговор и посмотрела на принесённый хлеб.

— Я пеку.

— Теперь вижу.

— Положи в морозилку. Потом возьмёшь.

Степан прошёл на кухню. На столе лежали два круга теста, миска с творогом и раскрытая тетрадь с рецептами. В тетради было больше вклеенных бумажек, чем собственных страниц. Он знал её с тех времён, когда дочь Елены ещё жила здесь и прятала между рецептами записки от подруг. Одна записка однажды приклеилась к яблочному повидлу; Елена до сих пор не решалась оторвать её окончательно.

— Что я ещё не знаю?

— Марина зовёт на неделю. В воскресенье надо будет выехать.

Он открыл морозилку. Внутри лежал пакет с ягодами, половина курицы и маленькая прямоугольная коробочка, которую Елена попросила не трогать: в ней хранились семена.

— В это?

— В это. Я тебе говорила, что она будет спрашивать.

— Говорила.

— Я пока не ответила за тебя.

Она подцепила край теста ножом и перенесла его на противень. Круг сразу вытянулся. Елена хотела поправить, но тесто прилипло к ладони.

— Подсыпь сюда. Нет, не в миску. На стол.

Степан взял пакет с мукой, высыпал немного на доску. Елена посмотрела на белую кучку.

— Ты для кого её жалел?

Он добавил. Она сняла тесто с руки, положила обратно и несколько раз прокатала скалкой. Движения были сердитые, но сердилась она пока на тесто.

Степан достал из ящика ложку.

— Начинку класть?

— Подожди. Я ещё не выровняла.

Он стоял с ложкой, пока она подтягивала мягкий край к бортику. Потом Елена взяла миску и сама выложила творог.

— Завтра ухожу, — сказал Степан.

Она перестала разравнивать начинку. Ложка осталась стоять в твороге, прислонившись к краю миски.

— Надолго?

— Не знаю.

— Ты теперь так будешь говорить каждый раз?

— Если не знаю, то как?

Елена посмотрела на него, и он понял, что ответил ей тем голосом, которым отвечал людям, просившим заранее назвать день возвращения. Ей этот голос не полагался. Она слишком много раз приносила в мастерскую еду и забирала вещи, оставленные мокнуть после дороги.

— Извини, — сказал он.

— Я ещё ничего не сказала.

— Вот именно.

Она вынула ложку из миски и положила на тарелку. Потом опёрлась ладонями о стол, оставив на дереве два белых следа.

— Это та, которая была у тебя утром?

— Ты её видела?

— Проходила мимо. Она сидела возле окна. Я не стала заходить.

— Почему?

— Потому что вы разговаривали, Стёпа. Люди иногда не заходят, когда другие разговаривают.

Он придвинул к себе второй противень. Взял меньший круг теста, как она брала первый, и попытался перенести. Тесто провисло и порвалось возле пальцев.

Елена не стала отнимать.

— Слепи. Потом всё равно не видно будет.

Он соединил края, прижимая их подушечками пальцев. Кожа под ногтями была ещё тёмной от работы, хотя он вымыл руки два раза.

— Она к белой стене идёт.

Елена знала про два города. О белой стене он прежде говорил только однажды, после возвращения Василия: тот месяц лечил руку и всё время сердился, что его считают больным. Елена тогда попросила Степана не описывать рану за ужином. С тех пор он избегал подробностей, будто она запретила ему вообще рассказывать.

— Ты там был?

— Один раз. Давно.

— Умеешь дойти?

— До башен умею. Дальше узнаю на месте.

— Тогда ты не её ведёшь. Вы вместе идёте.

Степан хотел возразить и вдруг понял, что именно это Ася пыталась купить: не знание последней дороги, которого у него не было, а человека, способного не потеряться, когда знание закончится.

Он прижал ещё один порванный край.

— Наверное.

Елена сдвинула его пальцы и припорошила липкое место мукой.

— Она хорошо платит?

— Хорошо.

— И это последний раз?

Он посмотрел на неё.

— Я собирался…

— Не говори. Ты ведь не сейчас это решил.

— Решил раньше.

— Вот когда вернёшься, тогда и скажешь, что у тебя последний раз. Я не буду знать заранее.

В духовке щёлкнуло. Елена вытерла руки о полотенце, открыла дверцу и проверила ладонью жар возле края. Степан убрал противень с прохода, чтобы она не зацепила его ногой.

Несколько секунд они двигались по маленькой кухне с привычной слаженностью, не договариваясь. Потом она поставила пирог внутрь и закрыла дверцу.

— Марине я скажу, что еду одна.

— Хорошо.

— Это не наказание.

— Я понимаю.

— Не очень похоже.

Он сел. На столе перед ним лежал кусочек сырого теста с отпечатком большого пальца. Он скатал его в короткую палочку и отложил. Елена посмотрела на палочку, улыбнулась уголком рта и прилепила её к краю второго пирога.

— У этой женщины кто-то пропал? — спросила она.

Степан ответил не сразу.

— Нет. Она возвращается.

— Это хорошо.

Он хотел оставить её с этим простым «хорошо», уйти после ужина, собрать рюкзак и думать об остальном уже по ту сторону. Сказать правду сейчас значило впустить на кухню то, чему здесь не было места. Однако Елена стояла напротив, и мука у неё под глазом всё ещё не была вытерта.

— Там её ждёт казнь, — сказал он.

Она медленно опустилась на второй стул.

— Ты это знаешь?

— Она сама сказала.

— А почему она идёт?

— Пока не сказала.

Елена смотрела на него долго. Потом протянула руку к его рукаву и сняла светлую нитку.

— Ты думаешь, она по дороге передумает?

Степан разжал пальцы, которые успел сцепить на столе.

— Не знаю.

— Тогда не обещай ей этого вместо дороги.

— Чего?

— Что ты её передумаешь.

Елена встала и убрала ложку в раковину. Степан не мог решить, кого ведёт: человека к собственной смерти или человека от этой мысли. И до сих пор надеялся разобраться с этим, не спрашивая саму Асю.

— Я только до первого города согласился, — сказал он.

— Она тоже так поняла?

— Да.

Елена кивнула и достала третью тарелку. Степан удивлённо посмотрел на неё.

— Оставишь утром в мастерской. Ты опять забудешь поесть перед выходом.

Она отрезала ему кусок сыра, хотя пирог ещё не испёкся. Он взял сыр и на этот раз не стал говорить, что не голоден.

***

Утром Ася принесла деньги в конверте. Сумку Степан зашил; новая накладка на дне была чуть темнее старой кожи, и он объяснил, что через месяц это станет незаметно. Ася сказала, что ей всё равно, но провела по шву пальцем.

— Вы сами шьёте? — спросил он.

— Иногда. Чужие сумки чиню, книги переплетаю. Сейчас чаще папки.

— Тогда понимаете, почему нитку надо было взять мягче.

— Понимаю. Я другой не нашла.

Он отдал ей сумку, вынул деньги из конверта и отсчитал часть. Остальное положил перед ней.

— Это за первый участок, — сказал он. — Остальное пока оставьте себе.

— Я принесла половину за всё.

— За всё мы ещё не договорились.

Она уже собиралась возразить, но он достал лист бумаги и написал сумму. Под ней — своё имя и дату.

— Это вам.

Ася забрала оставшиеся деньги, прочла расписку и положила её в кошелёк отдельно от глины.

— Вы везде расписки даёте?

— Где можно написать так, чтобы потом прочли.

Она впервые рассмеялась. Смех оказался низким и совсем коротким; по нему невозможно было понять, что смешного она вспомнила.

Степан разложил на столе то, что приготовил для неё: широкий светлый платок, тонкие перчатки и пояс с двумя карманами. Обувь она принесла свою, мягкую, уже разношенную. Он проверил подошвы, попросил пройти по двору и посмотрел, как она ставит ногу. Не хромала, не берегла колено. Шла быстро, словно боялась, что проверку сейчас отменят и предложат другую.

— Тяжёлого много?

— Только еда и вещи.

— Покажите.

Она выложила всё без спора: свёрток с одеждой, небольшой моток ниток, иглы в жестяной коробочке, складной нож, две бутылки воды, завёрнутые в бумагу продукты и книгу с ободранным корешком.

Степан посмотрел на книгу.

— Это работа?

— Моя.

— Нужна там?

Ася раскрыла её. На первых страницах были рисунки растений, несколько размытых пятен и детская надпись карандашом. Книга выглядела так, словно её много раз спасали от выбрасывания и каждый раз немного иначе.

— Нет, — сказала она. — Просто моя.

Он не стал убирать книгу. Попросил только не класть её рядом с водой.

Потом Ася вынула телефон и протянула ему.

— Оставить?

— Берите, если нужен. Зарядку там подключить некуда. Связи не будет.

— Я знаю.

— Вы последние годы спрашивали о дороге?

— Спрашивала.

Он поднял глаза. Она держала телефон на раскрытой ладони, не торопясь убирать.

— Антон приезжал, — сказала Ася. — Я встретила его здесь, шесть лет назад. Тогда спросила о дороге. Он дал ваше имя.

— Почему тогда не пошли?

— Не смогла.

— А теперь сможете?

Она положила телефон в боковой карман сумки.

— Сегодня смогу.

Степан вернул ей платок и пояс. Глиняную пластинку он попросил оставить завёрнутой и не показывать без необходимости.

— Четыре черты — это только казнь? — спросил он.

— Только.

— Имя там тоже ваше?

— Моё.

— Я имя не прочитал.

Ася некоторое время смотрела на кошелёк, затем развязала бумагу. На обратной стороне пластинки, которую он вчера не перевернул, было ещё несколько знаков. Среди них он узнал короткую петлю имени, но остальные не знал.

— Ася Ремезова, — прочла она. — После последнего большого звона.

— Посланец говорил о двенадцати ночах после того вечера, когда принёс?

— Да. Ту ночь считал первой.

Степан пересчитал. Ночь вручения, следующая, сегодняшняя. Три прошли; вечером начнётся четвёртая.

— Значит, до конца двенадцатой осталось девять ночей, включая эту.

— Да.

— До первого города дойдём за ночь, если вход не сместился. Дальше я не обещаю.

— Вы уже говорили.

Он достал из ящика плоский кожаный футляр, вложил в него завёрнутую в бумагу пластинку и отдал Асе.

— Я не вам повторяю. Себе.

Ася убрала футляр в сумку. Степан взял бумажный пакет с тремя чёрными крупинками и высыпал их в маленькую банку с завинчивающейся крышкой. Банку положил к своим вещам.

— Что это? — спросила она.

— Песок из нижнего подхода. Возле белой стены такой был. Там камень чёрный крошится, крошки с песком смешиваются.

— Почему вы вчера передумали?

Он закрутил крышку.

— Не из-за песка.

Она ждала.

— Вы всё равно пошли бы. До первого города лучше идти со мной, чем с тем, кто пообещает вам стену к завтрашнему утру.

— А песок?

— Его давно не приносили. Значит, кто-то побывал там, где, по нашим сведениям, прохода больше нет. Или достал старую вещь. Это надо различить.

Ася посмотрела на собственную сумку.

— Я её чистила.

— Верю. Но не знаю, кто принёс вам глину.

Она не стала снова описывать закрытый глаз. Степан был ей благодарен: повторение одного и того же никогда не делало незнакомого человека знакомым.

***

Василий принёс верёвку, когда солнце уже опустилось за крышу соседнего дома. Вместе с ним пришла девушка с длинным узким ящиком. Она несла его поперёк груди, обеими руками, и задевала углами косяки.

— Это Даша, — сказал Василий. — До печей.

Степан остановил его у двери.

— Ты же говорил, никого больше нет.

— Вчера не было. Сегодня есть.

Даша подняла ящик выше.

— Если мешаю, скажите сразу. Я не буду здесь стоять и слушать, как вы решаете, поместилась я или нет.

— Поставь, — сказал Василий. — Руки отвалятся.

— Не отвалятся. Куда ставить?

Степан убрал со скамьи свёрнутый брезент. Даша опустила ящик очень медленно и только потом распрямила пальцы.

— Что внутри?

— Форма.

— Для чего?

— Для колокольчика. Глиняного, над дверью. Не такого, от которого город просыпается.

Она говорила быстро, но на последней фразе замедлилась, словно её уже не раз спрашивали об одном и том же. Степан откинул застёжку. Даша тут же придержала крышку.

— Я открою.

Под крышкой лежала белая ткань. Девушка отогнула угол, и Степан увидел две аккуратно упакованные половины твёрдой формы, стянутые широкими лентами. У одной половины по краю шёл тонкий узор, похожий на переплетённые травы.

— Это ты делала?

— Я.

— Кто ждёт?

— Павла. У неё мастерская возле второй печи.

Степан знал Павлу. Она приходила к выходу дважды за прошлую осень, спорила из-за привезённого металла и однажды целый час не давала Василию уйти, пока тот не признал, что обещал ей другую цену. Если она заказала работу у земной девушки, значит, что-то в этой работе её устраивало.

— До неё доведу, — сказал он. — Обратно с кем?

— Пока не знаю.

— Почему?

Даша закрыла ящик.

— Потому что я не знаю, останусь ли. Мы договорились на пробу.

Василий посмотрел на Степана с таким видом, будто теперь вопрос был исчерпан. Степан не ответил на этот взгляд. Он проверил ремень на ящике, показал Даше, как закрепить его за спиной, и заставил пройти несколько шагов по мастерской. Ящик бил по пояснице.

— Так не пойдёт, — сказал он.

— Я донесу в руках.

— Всю ночь?

— Сколько надо.

Он снял с гвоздя широкий кожаный ремень, который откладывал для себя. Продел в крепления, подтянул нижнюю петлю и снова надел ящик ей на спину. Теперь тот сидел выше.

Даша прошла до двери и обратно.

— Сколько я вам должна?

— Вернёшь ремень, когда дойдём.

— А если останусь?

— Тогда я всё равно буду рядом с твоим ящиком.

Она поняла не сразу, потом усмехнулась и отошла к окну, пробуя, можно ли свободно поднять руки. Ася наблюдала за ней молча. Когда девушка обернулась, женщины представились друг другу; Даша сразу спросила, давно ли Ася знает Степана.

— Со вчерашнего дня, — ответила та.

Даша посмотрела на Василия.

— Вы хоть давно друг друга знаете?

— К несчастью, — сказал Василий. — Могли бы сейчас оба спокойнее жить.

Он поднял свой мешок и вышел первым.

Степан проверил, закрыта ли банка с песком, убрал её в верхний карман рюкзака и погасил свет. Последним делом положил на стол детский рюкзак с починенной лямкой. Заказчица должна была прийти утром; запасной ключ он оставил соседу.

В кармане у него лежали два ключа. От мастерской — тот, которым он только что запер дверь. Второй, от Елениной квартиры, он утром хотел вернуть ей, пока она будет у дочери, но Елена отодвинула его обратно.

«У меня свой есть, — сказала она. — Даже два. Ты зачем мне третий принёс?»

Степан вынул связку и нащупал маленький квартирный ключ под большим. Оба были на месте. Он убрал их и догнал остальных у ворот.

Глава 3. За хозяйственной дверью

Во дворе пахло мокрыми дровами. Вдоль стены стояли пустые ящики, над ними сушилось чьё-то бельё: две мужские рубашки и маленькие полосатые штаны. Василий прошёл под верёвкой, пригнувшись. Даша задела ящиком рукав рубашки и остановилась, чтобы снять его с застёжки.

— Смотри, не увези, — сказал Василий. — Потом обратно придётся искать хозяина.

— Он сам мне на спину лезет.

Ася шла последней. Степан подождал её у низкой двери, которую можно было принять за вход в сарай. Краска на двери облупилась, возле нижней петли темнел след сырости. Снаружи не было ни замка, ни ручки — только прямоугольная прорезь на уровне груди.

Василий постучал костяшкой пальца. Из-за двери ответили не сразу.

— Кто?

— Свои несчастные.

— Сколько?

— Четверо.

— Поклажи?

— Пятый несчастный.

Даша недовольно выдохнула. Василий обернулся к ней и показал, чтобы подождала.

В прорези появилось лицо старухи. Степан видел только глаза и верхнюю часть носа; остальное скрывала доска. Женщина посмотрела на каждого, задержалась на Асе и исчезла. Засов сдвинули с таким усилием, что дверь чуть вышла наружу.

— С рюкзаком боком, — сказала старуха. — Кто опять набил себе горб, сам и снимет.

Степан пропустил женщин вперёд. Внутри было темно и прохладно. Пахло сушёными травами, старой штукатуркой и чем-то кисловатым. Старуха держала лампу с мутным стеклом; электрический выключатель висел на стене, но провод от него никуда не шёл.

— Тётя Луша, вы что, свет так и не сделали? — спросил Василий.

— Сделали. Не нужен мне твой свет.

— Мой и вам не нужен. У меня в прихожей второй месяц мигает.

Она поставила лампу на полку и протянула руку. Василий отсчитал ей несколько монет из отдельного мешочка. Степан добавил две. Монеты были разного размера, без цифр; на одной виднелся выдавленный край листа. Даша попыталась посмотреть ближе, но старуха сжала ладонь.

— На выходе смотри. На входе запоминай, куда ноги ставишь.

Она прошла между ящиками в глубину сарая. Пол там заканчивался тремя деревянными ступенями, ведущими вниз. Степан посветил налобным фонарём. Под лестницей лежали несколько старых досок, ведро и свёрнутый коврик. Никакого прохода не было.

Даша посмотрела на него.

— Это не сюда?

— Пока нет.

Тётя Луша села на ящик и стала развязывать узел на платке. В узле оказался кусок сахара. Она положила его в рот, потом вдруг вынула обратно и сунула в карман.

— Сухарь и тот мягче, — пробормотала она.

Степан снял рюкзак, прислонил к стене и помог Даше опустить ящик на верхнюю ступень. Ася осталась стоять возле двери. Лампа освещала её лицо снизу, и белая прядь у виска казалась гораздо шире, чем утром.

— Вы это место помните? — спросил Степан.

— Отсюда не ходила.

— А откуда?

— Из дома за большой водой.

Она сказала так, будто речь шла об адресе, который больше нельзя назвать точнее. Степан не спросил, где была эта вода. Даша всё равно спросила бы, но тётя Луша в этот момент подняла руку.

Все замолчали.

Сначала Степан услышал капли. В сарае ничего не текло, дождь давно кончился, но снизу доносился редкий звук воды, падающей на камень. Затем потянуло сухим горячим воздухом. Он коснулся лица так неожиданно, что Даша отступила от лестницы.

Тётя Луша встала и подняла лампу.

Три деревянные ступени остались на месте. Под ними больше не было ни досок, ни ведра. Внизу начиналась узкая каменная лестница, уходившая в полутьму. По стене на уровне человеческого плеча тянулась гладкая полоса, словно много лет здесь проходили люди с мешками.

— С этой стороны идите до поворота, — сказала старуха. — Там подождёте. Не бегите, даже если кто-нибудь позовёт.

— Кто может позвать? — спросила Даша.

— Кто раньше вас пришёл.

— А почему…

— Даша, — сказал Степан. — Сначала спустимся.

Он надел рюкзак, включил фонарь ярче и пошёл первым. Камень был сухой. Сверху лестница выглядела круче, чем оказалась на деле: ноги сами находили широкие неровные ступени. Степан считал их не для проверки, а по старой привычке. На семнадцатой прежде был скол. Теперь он оказался на девятнадцатой.

За спиной тяжело дышала Даша. Её ящик дважды задел стену, но она не попросила помощи. Степан оглянулся: Ася держала рукой нижний край ящика, не давая ему раскачиваться. Девушка не замечала.

На повороте они остановились. Василий спустился последним и помахал наверх. Вход уже казался маленьким, почти круглым. Лампа тёти Луши была видна ещё несколько мгновений, затем свет исчез, словно его заслонили дверью.

— Теперь куда? — спросила Даша.

— Подождём, — ответил Степан.

— Чего?

— Пока глаза привыкнут.

Он выключил фонарь. Даша тут же потянулась к своему, но Василий придержал её запястье.

— Минуту.

В темноте слышалось дыхание четырёх человек. Где-то ниже продолжали падать капли, хотя сухой воздух становился всё горячее. Потом Степан различил слабую светлую полосу там, где лестница должна была продолжаться. Полоса медленно расширялась. Это был не свет лампы: за ней что-то двигалось, рассеивалось и снова собиралось.

Ася сделала шаг вперёд.

— Подождите, — сказал он.

Она остановилась.

Светлое пятно приобрело край. Степан увидел косой срез камня и тонкую струйку песка, текущую по нему сверху. За срезом лежало небо. Оно было ещё вечерним, но солнце здесь не стояло там, где должно было стоять после выхода из астраханского двора. В узкой щели горела медная полоса, а над нею поднимался густой синий цвет.

Степан включил фонарь, направил под ноги и спустился ещё на четыре ступени. Поворот вывел их к низкой арке. Из неё приходилось выбираться пригнувшись. Первым он вынес свой рюкзак, потом пропустил Асю и принял ящик Даши.

Снаружи было тихо.

Перед ними лежала широкая песчаная ложбина. По её краям тянулись пологие гряды, на которых не росло ничего, кроме нескольких сухих стеблей. Далеко слева торчал обломок стены. Он отбрасывал длинную тень, хотя солнца уже не было видно. Внизу, возле стены, кто-то сидел на корточках рядом с тремя животными.

Даша выпрямилась, держась за спину.

— Так не бывает, — сказала она.

Василий полез в карман за платком.

— Я тёте Луше всё время говорю. Она тоже не верит.

Степан поднял рюкзак и повернулся к арке. Вход был ещё открыт; внутри виднелась последняя каменная ступень. Он подождал, пока выйдет Василий, и только потом сказал:

— До стены идём вместе. Не к тому, кто первым помашет. К Федоту.

Человек внизу уже заметил их и встал. Был он рослый, в короткой куртке без рукавов. На голове у него лежала белая повязка, собранная сзади в узел. Степан не видел его с осени; тогда Федот носил бороду, теперь подбородок был выбрит, а над губой темнела тонкая полоска усов.

— Отрастил, — сказал Василий, спускаясь. — Молодец. Сразу серьёзный человек.

Федот потрогал усы.

— Жена велела.

— А раньше что не велела?

— Раньше жены не было.

Василий остановился.

— Когда успел?

— Пока вы думали, идти или нет.

Он крепко обнял Степана, потом Василия. От его куртки пахло животными и дымом. Даша подошла ближе к одному из верблюдов, но тот повернул голову, и она отступила.

— Не знакомься с морды, — сказал Федот. — Сбоку стой. И не суй ему в рот ничего, что сама есть будешь.

— Я не собиралась.

— Значит, уже умеешь.

Он улыбнулся, но, увидев Асю, улыбку убрал. Не мгновенно, не испуганно — просто перестал приветствовать заранее.

— Это с вами?

— Со мной, — сказал Степан. — До печей. Потом решим.

Федот кивнул и показал на животных.

— Один под поклажу. Два под людей. Если лишнего не тащите, дойдём.

— А ты?

— Я пешком. Мне после свадьбы полезно.

Василий засмеялся, но Федот смотрел на Степана.

— Вы надолго?

— Сначала до города.

— Тогда надо идти сейчас. Верхний вход сместился к сухому столбу. Если опять по старому пойдём, лишний круг сделаем.

Степан посмотрел на обломок стены. У его основания лежали новые доски. На одной свежо белел пропил.

— Тут кто-то был?

— Были. Утром ушли.

— С земли?

— Снизу.

Федот начал проверять ремни на поклаже. Степан помог ему. Они молча перекладывали мешки, пока Василий показывал Даше, как устроено сиденье. Ася стояла рядом со своей сумкой и ждала, когда ей скажут, куда её пристроить.

— Вон туда, — сказал Степан. — К нашим. Кошелёк при себе оставьте.

Она сняла пояс, надела его поверх лёгкой куртки и убрала кошелёк в передний карман. Потом подтянула платок, закрывая шею. Движение было привычным: она не обматывала голову наугад, как Даша, а сразу оставила лицо открытым и закрепила край так, чтобы тот не сползал на глаза.

Федот видел это. Ничего не сказал.

***

Верблюд Даши встал, когда она ещё не успела как следует сесть. Девушка вскрикнула, прижалась к передней части седла и осталась так лежать, уткнувшись лбом в свёрнутую ткань. Василий держал повод и ждал, пока она сама выпрямится.

— Все целы?

— Нет.

— Что случилось?

— Уважение к вам потеряла.

— Это до утра пройдёт. Ты обратно сядь.

— Я сижу.

— Ты лежишь. Разница есть.

Степан отвёл Асю к другому животному. Она сначала положила ладонь на свёрток возле седла, проверяя, не скользит ли, и только потом стала садиться. Неловкость всё равно была: тело не помнило того, что помнили руки. Степан поддержал её за локоть. Она поблагодарила уже сверху, глядя на него с неожиданной высоты.

— Раньше ездила? — спросил Федот.

— Давно.

— Давно у всех.

Он взял повод нагруженного верблюда и пошёл к краю ложбины. Степан пристроился сбоку. Василий замыкал, ведя Дашино животное; верблюд Аси шёл между грузовым и Дашей. Когда они поднялись на первую гряду, Степан оглянулся.

Арки больше не было видно. У обломка стены темнела тень, и в ней легко можно было вообразить вход, но он знал, что это не тот камень. Настоящий остался ниже, под песком, у самого поворота. До утра оттуда никто не должен был прийти.

Даша тоже оглядывалась.

— Если передумаю, меня выпустят?

— Сегодня нет, — ответил Василий.

Она повернулась к нему так резко, что ящик у неё за спиной качнулся.

— Вы этого не говорили.

Степан остановился. Федот прошёл ещё несколько шагов и тоже встал. Даша смотрела на Василия сверху вниз, побелевшая от злости.

— Я говорил, обратно после первого города, — сказал он.

— Вы говорили, можно будет вернуться.

— Можно. После города.

— Это не одно и то же!

Василий открыл рот, но Степан поднял руку.

— Даша, до утра вход закрыт. К утреннему открытию мы можем вернуться сюда, если ты захочешь. Для этого надо дойти до города, отдохнуть и выйти обратно ещё затемно. Здесь оставаться нельзя: укрытия нет, вода с собой ограничена.

— А если я сейчас хочу обратно?

— Я слышу. Но сейчас двери нет.

Она посмотрела в сторону стены. Федот не двигался. Его верблюд принялся щипать сухой стебель, который торчал из песка, и Федот осторожно отвёл повод, не давая животному остановиться надолго.

— Слезть можно? — спросила Даша.

— Можно.

Степан подошёл, помог ей спуститься, когда верблюд опустился на колени. Она сняла ящик, поставила на песок и присела рядом. Лицо у неё было всё ещё сердитое, но губы дрожали.

Василий хотел заговорить. Степан отвёл его в сторону на несколько шагов.

— Ты ей про ночь говорил?

— Говорил, что обратно после печей.

— Про дверь говорил?

Василий посмотрел на Дашу.

— Нет.

— Тогда иди и скажи это ей. Без «я же объяснял».

— Ты мне теперь учителем будешь?

Степан не ответил. Василий постоял, сунул руку в карман, вытащил и вернулся к девушке. Степан отошёл к Федоту, чтобы не слушать каждое слово.

С верхушки гряды открывалась пустыня. Песок уходил до тёмного края неба, и среди него угадывались не то камни, не то остатки крыш. Вдали поднималась тонкая полоса пыли. Она двигалась против ветра: ветер тянул свободный край Степанова платка вправо, а пыль шла налево.

— Там кто? — спросил он Федота.

Тот прищурился.

— Гряда идёт.

— Далеко?

— Сегодня далеко.

Степан смотрел, как медленно смещается пылевой край. Он видел такое прежде, но каждый раз приходилось удерживать себя от попытки измерить движение привычным расстоянием. Гряда могла идти всю ночь и утром остаться на том же месте. Могла исчезнуть за низиной и выйти оттуда уже перед людьми. Федот знал её нынешний ход лучше; спорить с ним по старой памяти было бы глупо.

Даша поднялась. Василий взял её ящик и понёс к грузовому животному.

— Я пока пешком, — сказала она.

— Хорошо, — ответил Степан.

— И я не обещаю, что останусь у Павлы.

— Ты и не обещала.

Она подтянула платок. Край всё равно съехал на лоб. Ася спустилась со своего верблюда и подошла к ней.

— Можно?

Даша кивнула. Ася переложила ткань, закрепила узел и оставила свободный конец на плече. Девушка терпеливо стояла, глядя поверх её руки на удаляющуюся пыль.

— Вы боитесь? — спросила она.

— Сейчас нет.

— А потом?

Ася поправила последний сгиб.

— Потом скажу.

Они пошли пешком рядом. Степан подождал, пока Василий закрепит ящик на поклаже, и взял повод освободившегося животного. Василий держался возле Даши; когда она оглядывалась, он сразу оказывался рядом.

***

Темнота наступила быстро. На земле ещё держался слабый медный отсвет, когда небо уже стало почти чёрным. Федот остановил животных, снял с ремня маленькую лампу и закрыл её с одной стороны жестяной заслонкой. Свет упал на песок узким жёлтым пятном.

— Теперь ближе, — сказал он. — Кто сошёл с нашей полосы, зовёт сразу. Не догоняет молча.

Степан включил свой фонарь и направил вниз. Песок под ногами оказался покрыт мелкими поперечными складками, которых он не замечал при дневном свете. На каждой складке лежала тонкая тень. Идти приходилось медленнее.

Через некоторое время Даша попросилась обратно в седло. Василий помог ей без шуток, затем на ходу передал флягу. Она попила и вернула. Ася оставалась пешей; Степан предложил ей сесть, но она покачала головой.

— Пока могу.

— Можете не доказывать.

— Я и не вам.

Он принял ответ и не стал спрашивать дальше. Сам чувствовал, что старые ботинки трут пятку: перед выходом нужно было сменить носки, но он так и пошёл в тех, в которых работал с утра. У Аси хотя бы хватило ума взять запасную пару.

Они пересекли низину, где песок был плотнее и темнее. Оттуда пахло мокрым камнем. Федот замедлил шаг, прислушался и повернул вправо.

Степан услышал звон.

Он пришёл не сверху и не из-за гряды. Звук будто поднялся сквозь подошвы, прошёл по костям и только потом стал слышен ушам. Один низкий удар. Потом второй, тише, с дрожащим краем.

Ася остановилась. Даша ухватилась за переднюю часть седла.

— Это город? — спросила она.

Федот поднял лампу, но свет не достал ни до стены, ни до башни. Впереди лежал ровный песок.

— Это ещё зовут, — сказал он.

Степан смотрел под ноги. Между его ботинками пробежала тонкая трещина. Она не разошлась, только обозначилась чёрной нитью, по которой песок начал медленно оседать.

Он отступил, потянув повод за собой. Животное послушно повернуло голову. Через несколько мгновений на месте трещины проступил край каменной ступени.

Даша вдохнула так громко, что Степан услышал её сквозь новый удар колокола.

Ниже первой ступени появилась вторая. Из-под земли потянуло дымом, печёной мукой и человеческим жильём. Песок скользил по камню в обе стороны, оставляя тёмный проход всё шире.

Ася стояла неподвижно. На лице у неё не было облегчения. Она смотрела вниз, и Степан вдруг понял, что до этой минуты ещё не верил ей до конца: восемнадцать лет могли оказаться чужой историей, выученной для платы за дорогу.

Теперь женщина смотрела на знакомую лестницу.

Внизу открылась дверь, и чей-то голос сердито крикнул:

— Опять сверху сыплют! Подождите вы хоть, пока я вынесу!

На нижней площадке появился человек с корзиной. Поднял её над головой, прикрываясь от песка, и затопал вверх. Вслед за ним из темноты вышла полоса тёплого света.

Глава 4. Город у печей

Человек с корзиной был в ночной рубахе и высоких сапогах. Корзину он держал над головой, как крышу, и ругался не на путников, а на песок, который продолжал сыпаться со свода.

— Сейчас, сейчас, — сказал Федот. — Выйди сначала.

— Я и выхожу. А вы стоите.

Они отступили. Человек поднялся по ступеням, поставил корзину на край и с облегчением выпрямился. В корзине лежали маленькие глиняные горшки. Один был разбит; его черепки перекатывались между целыми.

— Вот, — сказал человек, обращаясь уже ко всем. — Полдня сушил. А этот опять раньше времени ударил.

— Звонарь? — спросила Даша.

Он посмотрел на неё.

— Нет, горшок. Вышел и ударил.

Даша прикусила губу. Федот отвернулся, пряча улыбку, а Василий сразу присел возле корзины.

— Если только один, то ещё хорошо.

— Хорошо, когда ни одного. Ты мне объяснишь, сколько хорошо?

— Не объясню. У меня теперь ученица есть, она объяснит.

Даша сердито посмотрела на него. Человек забрал корзину, заметил закреплённый на поклаже ящик и задержался.

— К Павле?

— Да.

— Она ждёт. Только ты ей ночью ничего не показывай. Ночью она всем недовольна.

Он поднял корзину на плечо и пошёл вдоль раскрытого входа, туда, где склон стал положе. Степан проводил его взглядом. Люди под песком никогда не переставали удивлять приезжих тем, сколько обычного раздражения помещалось рядом с невозможным.

Колокол ударил снова. Справа от лестницы начал осыпаться длинный край дюны. Песок сползал слоями, открывая наклонную мощёную дорогу. Нижняя её часть уходила в широкий проём, достаточно высокий для животных.

Василий помог Даше спуститься с верблюда и взял у Степана повод второго животного. Федот дождался, пока последние струйки песка истончатся, и повёл по наклонной дороге грузового верблюда. Степан держался у его бока, следя за ремнями. Верхняя поклажа едва не задела свод; он прижал свёрнутый брезент ладонью, и они прошли.

Даша и Ася спустились по ступеням. Василий вёл двух остальных животных по наклонной дороге. Степан слышал, как он успокаивает их вполголоса, и это было гораздо привычнее всего, что происходило вокруг.

Внизу начиналась улица.

Она шла между двумя рядами домов, тесно поставленных друг к другу. Некоторые двери находились выше человеческой головы; к ним приставляли узкие лестницы. Перед другими пороги были так низко, что на улицу выходили пригнувшись. Над домами не было общего каменного потолка. В промежутках между крышами темнело небо, но звёзды в нём стояли не там, где Степан видел их на поверхности. Он давно перестал искать здесь знакомые созвездия. Даша ещё искала: запрокинула голову, остановилась и чуть не попала под широкую тележку.

Ася взяла её за локоть, отводя к стене.

— Смотри перед собой.

— Я смотрю.

— Нет.

Даша не возразила. Два мальчика пробежали мимо них с пустым ведром. Один держал дужку, другой — край; ведро качалось между ними и гремело о колени. Из двери крикнули, чтобы не пролили. Мальчики рассмеялись, потому что проливать ещё было нечего.

На ближнем перекрёстке работала печь. Огонь из открытой заслонки ложился на стену напротив, и по ней ходили длинные тени людей. Кто-то вытаскивал деревянной лопатой хлеб, кто-то ждал с полотенцем на руках. Запах, поднявшийся наверх, здесь стал густым и почти сладким.

Степан почувствовал голод. Пирог Елены лежал в рюкзаке, но до этой минуты он ни разу о нём не вспомнил.

— Сначала к животным, — сказал Федот, заметив его взгляд. — Потом накормим.

Они свернули в боковой проход. Тот был таким узким, что Василию пришлось отцепить один свёрток и пронести в руках. За проходом открылся большой двор, где возле каменной поилки стояли ещё два верблюда и коротконогий осёл. Осёл сразу поднял голову и пронзительно закричал.

— Это он с тобой здоровается, — сказал Федот Василию.

— Вежливый. Мог бы промолчать.

Из дома вышла женщина в тёмном платье. Она держала ковш, а за ней выглядывала девочка лет пяти с одним заплетённым хвостиком; второй ещё торчал растрёпанным пучком.

— Вот моя жена, — сказал Федот. — Неля.

Василий снял повязку с головы и поклонился так серьёзно, что Степан насторожился.

— Вы подумали как следует?

— Уже поздно, — ответила Неля.

— Это да. Тогда берегите. Он у нас плохо переносит справедливую критику.

— Я заметила.

Федот отступил, пропуская её к гостям.

— Если вы закончили, можно я свою семью кормить буду?

— Гостей сначала, — сказала Неля.

— Я про гостей и говорил.

Она рассмеялась и подошла к Даше, которая никак не могла расстегнуть новый ремень на поклаже. Помогла снять ящик с грузового верблюда, показала, куда поставить, и попросила девочку принести кружки. Та убежала в дом, придерживая незаплетённые волосы ладонью.

Ася стояла у стены. После жаркой дороги лицо её стало почти серым. Неля заметила это и подала ей ковш прежде, чем сама успела спросить имя.

— Пей понемногу. Тут прохладная.

Ася взяла ковш обеими руками.

— Спасибо.

Степан смотрел, как она пьёт, и думал, что до белой стены ей придётся много раз принимать такие простые вещи: воду, хлеб, место у стены. Он ещё не знал, как это сочетается с намерением явиться на казнь. Ася, по-видимому, тоже не знала. После нескольких глотков она опустила ковш и посмотрела на воду, будто неожиданно пожалела, что та скоро закончится.

***

Павла пришла сама. Вошла во двор, пока Федот снимал последнюю поклажу, и сразу направилась к ящику.

— Принесла?

Даша вскочила со скамьи.

— Принесла. Только мне сказали, вы ночью…

— Что?

— Потом посмотрим.

— Я уже пришла. Куда потом?

Павла была невысокой, широкой в плечах; волосы у неё были убраны под платок, из-под которого выбивались короткие седые пряди. Она говорила негромко, но все во дворе сразу начинали слышать именно её. Даже Василий отодвинулся от ящика, освобождая место.

Даша сняла крышку, развязала ленты и разложила половины формы на белой ткани. Павла наклонилась. Не стала трогать сразу: сначала посмотрела на край, на рисунок, на места, где обе половины должны были сойтись.

— Красиво, — сказала она.

Даша выдохнула.

Павла провела пальцем по узору.

— А это зачем?

— Чтобы было как на рисунке.

— На каком?

Даша достала из бокового кармана сложенный лист. Павла расправила его возле лампы. На листе был нарисован колокольчик, украшенный длинными листьями и цветами. В одном месте бумага протёрлась: Даша, наверное, много раз стирала там карандаш.

— Я такой не просила.

Даша побледнела.

— Вы сказали, можно свой рисунок.

— Можно. Но здесь вот этот край слишком тонкий. Ты из него готовую вещь как вынешь?

— Аккуратно.

Павла подняла голову.

— Я тоже люблю аккуратно. Но иногда руки устают.

Даша забрала лист. Складывать его не стала, держала двумя руками перед собой.

— Я пробовала.

— Сколько раз?

— Три.

— Целые вышли?

Даша посмотрела на форму.

— Две.

— Значит, мы уже знаем, где начнём.

Она сказала это без насмешки, но Даша услышала иначе. Щёки у неё пошли пятнами. Степан хотел вмешаться и напомнить, что девушка ещё не успела отдохнуть с дороги, потом решил не вмешиваться: это была её работа, и Павла говорила с ней как с человеком, который её сделал.

— Я не буду здесь всё переделывать, — сказала Даша.

— Всё и не надо. Покажи вторую.

Даша не двигалась.

Павла подождала и села на скамью.

— Садись тоже. На меня стоя обижаться неудобно.

Неля поставила перед ними кружки, взяла дочь за руку и повела в дом доплетать волосы. Федот кивнул Степану в сторону ворот: поклажу сняли, животных устроили, можно было пройтись до хлебной печи.

Степан посмотрел на Асю.

— Пойдёте?

Она поднялась сразу. Даша осталась сидеть напротив Павлы, всё ещё держа рисунок. Василий задержался рядом с ними.

— Я потом догоню.

Степан вышел с Асей и Федотом на улицу.

***

Рядом с печью торговали не только хлебом. На длинном каменном столе лежали связки сушёных плодов, плоские лепёшки с тёмными вкраплениями и маленькие мешочки с приправами. Дальше мужчина раскладывал обувь, выставляя пары так, чтобы носки смотрели к свету. Одного башмака не хватало; он долго искал его под столом, пока стоявшая рядом женщина не показала на собственную ногу. Они поссорились вполголоса, и Ася неожиданно улыбнулась.

— Знакомые? — спросил Степан.

— Нет. Просто у нас так же было.

— Где?

— Возле стены. Там обувь продавали на мосту. Если уронить, потом вниз за ней идти.

Она сказала это легко, не как признание. Степан вдруг увидел молодую девушку, которая живёт в городе, ходит за обувью, смеётся над чужой ссорой.

Федот выбрал хлеб и подал им по куску. Степан заплатил за свой и Асин, прежде чем она успела достать кошелёк. Ася посмотрела на него, но спорить не стала.

— Завтра разберёмся, — сказал он.

— Со всем?

— С хлебом.

Они отошли к стене. Хлеб был горячий; Степан перекладывал его из руки в руку и никак не мог откусить. Федот ел спокойно, обжигая пальцы не меньше, но не показывая этого.

— Что наверху за доски? — спросил Степан.

Федот перестал жевать.

— У стены?

— Да.

— Проход перекладывали. После того, как край осыпался.

— Кто?

— Люди Розы.

Степан знал Розу. Она держала два постоялых двора и меняла деньги так, что никто не мог точно сказать, сколько у неё проиграл. При этом ночлег у неё был хороший, вода чистая, а если гостя обкрадывали, вещь обычно находилась прежде, чем он успевал понять, кто её унёс.

— Роза теперь проходами занимается?

— Роза теперь всем занимается. Ей позволили.

— Кто позволил?

Федот посмотрел на Асю, потом снова на Степана.

— У башен люди сменились. Вы давно не были.

Из печи вынули новую партию хлеба. Федот подождал, пока закончится разговор у лопаты, и сказал тише:

— По верхней дороге к белой стене не ходите. Там теперь не спрашивают, кто ведёт.

Ася перестала есть.

— А что спрашивают?

— Кого ведут.

— Это всегда спрашивали, — сказала она.

Федот посмотрел на неё внимательнее.

— Ты оттуда?

— Была там.

— Когда?

Степан ждал ответа. Ася могла назвать год, могла повторить восемнадцать лет. Вместо этого она достала из кармана маленький льняной платок и завернула оставшийся хлеб.

— Давно.

Федот не стал настаивать. Он видел, что больше ему пока не скажут, и сам тоже перестал говорить о дороге. Показал, где теперь меняют монеты, где можно купить масло для лампы и у кого спрашивать о воде перед следующим переходом.

Они повернули обратно. У колодца стояли трое людей в одинаковых серых накидках. Один держал доску с прикреплёнными к ней глиняными пластинками. Другой что-то объяснял женщине с корзиной; женщина качала головой и не давала ему заглянуть под крышку.

Ася замедлила шаг.

Степан не посмотрел на неё сразу. Сначала он оценил проход: слева была лавка, справа узкая дверь, за колодцем улица продолжалась без препятствий. Потом повернулся к Федоту.

— Здесь тоже спрашивают?

— Не знаю, — тихо ответил тот. — Вчера их не было.

Человек с доской поднял голову. Увидел Степана, задержался взглядом на Асе и сделал шаг навстречу.

— Вы с верхнего входа?

— Да, — сказал Степан.

— Сколько вас?

— Со мной двое.

Это было правдой о людях, стоявших рядом, и не было ответом на вопрос о караване. Человек заметил уклонение.

— Кто ещё пришёл?

— Второй проводник и девушка к Павле. Можете у неё спросить.

— Спросим. Имена.

Федот назвался первым. Степан — следом. Ася стояла чуть позади, и ему захотелось передвинуться так, чтобы закрыть её от чужого взгляда. Он не сделал этого: слишком заметное движение подсказало бы больше, чем любой ответ.

— Вы? — спросил человек у Аси.

Она подняла голову.

— Анна.

Степан не повернулся. Федот смотрел на глиняные пластинки, будто пытался понять их число.

— Откуда?

— С земли.

— К кому?

— С проводником.

Человек прищурился.

— Проводник не ответит за всё, что вы сделаете в городе.

— Я знаю, — сказала Ася.

Он перевернул одну из пластинок. На обратной стороне было что-то написано краской. Степан увидел только верхний знак — две пересекающиеся линии, похожие на раскрытые ножницы. Не белая стена. Приказ пришёл от башен.

— Ночевать где будете?

Федот назвал свой двор. Человек кивнул и отошёл к женщине с корзиной. Та до сих пор не открыла крышку.

Степан пошёл дальше, сохраняя прежний шаг. Он не заговорил ни на перекрёстке, ни возле стены с развешенными плащами. Только когда за ними закрылись ворота Федотова двора, повернулся к Асе.

— У вас ещё одно имя?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы дойти до того места, куда я иду.

Федот стоял рядом и молчал. За стеной слышался голос Павлы; она объясняла Даше, как заметить слабый край до того, как вещь сломается. Девушка что-то возразила, и Павла впервые засмеялась.

— Вы сказали, вас там ждут, — произнёс Степан.

— Я сказала, что там меня должны казнить.

— Это не ответ.

Ася посмотрела на него устало, но не отвела глаз.

— Если меня заберут здесь, я не дойду.

— Почему?

— Потому что не всем нужно, чтобы я дошла.

Он вспомнил своё условие в мастерской: если узнает о намерении, которого она не назвала, развернёт караван. Пока она не собиралась нападать, красть, сворачивать в сторону. Она всего лишь сказала чужому человеку другое имя. И всё же дорога уже стала не той работой, за которую он выдал расписку.

Федот отворил внутреннюю дверь.

— Сначала поешьте, — сказал он. — Потом будете ругаться. У меня ребёнок спать собирается.

Ася вошла первой. Степан остался у ворот ещё на несколько мгновений. С улицы доносился обычный городской шум: тележки, шаги, спор у колодца. Потом среди него прозвучал знакомый голос Василия.

— Я же сказал, до печей. Дальше ещё не решали.

Степан посмотрел сквозь узкую щель между досками. Василий стоял у соседней стены. Перед ним была женщина в светлом платке, и в руке у неё поблёскивала небольшая связка монет.

Женщина заметила Степана раньше, чем он успел отступить.

— А вот и второй, — сказала она. — Всё никак не соберётесь вместе.

Это была Роза.

Глава 5. До утра

Степан отворил ворота.

— Мы собрались. Есть садимся.

— Знаю, — сказала Роза. — Сюда от печи все голодные приходят. Запах такой, что сам себя съел бы.

На ней был светлый платок, завязанный под подбородком, и длинная безрукавка с узкими карманами. Из одного торчала деревянная счётная палочка. Роза достала её, посмотрела на зарубки и отсчитала Василию монеты со шнурка. Тот протянул ладонь.

— За прошлые пряжки, — объяснил он Степану.

— За позапрошлые, — поправила Роза. — Прошлые ещё не принёс.

— Я помню.

— Потому и напоминаю, что помнишь. Был бы беспамятный, с тебя какой спрос.

Василий ссыпал деньги в кошелёк. Роза провела пальцем по зарубкам и убрала палочку обратно. Всё это она делала неторопливо, хотя за её спиной уже дважды пытался протиснуться человек с охапкой хвороста. Степан посторонился, пропуская его. Роза и Василий даже не обернулись: человек сам нашёл место между ними.

— Есть хорошая работа, — сказала она. — Мне четыре сундука привезли. Два с полками, два пустых. Надо наверх, потом через дверь. Там встретят.

— Когда?

— Сейчас забрать, к утру отвести. Федотовы животные как раз отдохнут. За такую цену сами бы на руках понесли.

— Через дверь на животных не пройдёшь.

— Так ты пустые и понесёшь. А Василий с полками.

Василий хмыкнул.

— Почему я?

— Ты моложе. Не велишь же мне старого человека нагружать.

Степан посмотрел на неё. Роза улыбалась приветливо и уже звала кого-то за их спинами: женщина с корзиной остановилась у противоположной стены. Роза показала ей раскрытую ладонь, прося подождать, и снова повернулась к проводникам.

— Не хотите оба, один возьмётся. Во дворе трое помощников, только через вашу дверь они не ходили. Им показать надо.

— Я не возьмусь, — сказал Степан.

Василий поднял голову.

— Ты ведь до печей договаривался.

— Договаривался.

— А теперь?

— Теперь поем. Потом с человеком поговорю.

Роза кивнула так, будто это и было согласием.

— Поговори. Я у себя. Сундуки под навесом; если надумаете, будить не надо, там дежурят. Деньги утром, у двери. Не здесь.

Последнее предназначалось Василию. Он уже успел прикинуть плату: Степан видел, как у него едва заметно шевельнулась нижняя губа. Роза назвала сумму. В земных деньгах она выходила хорошей даже на двоих. Особенно за пустые сундуки, которые можно было вложить один в другой.

Степан ничего не ответил.

— Только решайте сегодня, — добавила Роза. — Я товар вечно держать не могу.

Она пошла к женщине с корзиной. Не успела пройти трёх шагов, как уже заговорила о другом: где-то не хватало крышек, причём тех самых, за которые ей заплатили заранее. Степан закрыл ворота и повернулся к Василию.

— Ты что решил?

— Я решил узнать, что решил ты.

— Ещё не знаю.

— Вот именно.

Василий снял с шеи платок, встряхнул его и повесил на перекладину ворот. Песок лёг на землю узким полукругом.

— Ты привёл её, как обещал. Она на месте. Здесь можно нанять человека дальше. Ты это ей объяснишь — и пойдём. А если ты уже придумал себе другую работу, так скажи. Я тоже хочу понимать, куда мне ноги ставить.

Из дома выглянула Неля.

— Вы там деньги делите или языки сушите?

— Сушим, — ответил Василий.

— Тогда заходите. У нас мокрое есть.

Она скрылась, оставив дверь открытой. Из дома пахнуло варёным мясом и тёплой тканью. Степан первым пошёл через двор; Василий остался снять платок с перекладины.

***

Ели за низким столом. Девочка уже уснула у стены на узкой постели; Неля закрыла её голову от света поставленной на бок корзиной. Степан видел только босую пятку, высунувшуюся из-под покрывала. Каждый раз, когда кто-нибудь задевал стол, Неля смотрела в ту сторону, но ребёнок не просыпался.

Павла сидела рядом с Дашей. Перед ними лежал рисунок, на котором появились две жирные линии. Даша поглядывала на них так, будто надрезали её собственную руку.

— Форму оставляешь мне, — говорила Павла. — Сама можешь тоже остаться. На день, на два. Посмотрим, как пойдёт.

— Вы её переделаете?

— Без тебя? Нет. Я тебе покажу, где. А ты сама решишь.

— Если я не решу?

— Тогда будет лежать, пока не решишь. У меня есть где.

Даша отодвинула от рисунка чашку, чтобы не капнуть. Степан достал из рюкзака пирог. Бумага промаслилась на сгибах, но начинка пахла так же, как вечером на кухне у Елены. Он положил пирог на свободное блюдо и разрезал складным ножом.

— Это откуда? — спросила Неля.

— Из дома.

— Сам делал?

— Если бы сам, мы бы ещё там остались.

Неля попробовала маленький уголок и тут же протянула блюдо Павле. Та взяла кусок, не прерывая разговора с Дашей. Василий потянулся следом.

— Елена? — спросил он.

Степан кивнул.

— Передай, что совсем другое дело. Тот, прошлый, она не допекла.

— Ты половину прошлого съел.

— Чтобы не обидеть.

Неля улыбнулась, а Федот придвинул к себе блюдо, спасая остаток от Василия. Ася сидела с другой стороны стола и ела медленно. Взяла небольшой кусок пирога, разломила

надвое и одну половину положила обратно себе на тарелку. Степан подумал, что она бережёт на потом, но через минуту она съела и её.

— У вас тоже кто-нибудь остался? — спросила Неля.

Ася подняла взгляд.

— Там?

— Где же ещё. Я не про могилы.

— Соседке ключ отдала. У меня цветы.

— Много?

— Три. Один всё время сохнет.

— Значит, плохо поливаешь.

— Я его уже чуть не утопила.

Неля засмеялась, потом оглянулась на дочь. Пятка под покрывалом дёрнулась и снова замерла.

— Мне Федот тоже принёс. Сказал, расти будет. Три дня постоял и умер.

— Это ветка была, — сказал Федот.

— Ты сказал, расти будет.

— В воде. Если корни пустит.

— Вот я и говорю: умер.

Ася улыбнулась, опустив голову. Степан впервые за вечер увидел, что у неё осталась ямочка на левой щеке. На Земле он её не заметил. И ещё увидел, что разговор о цветах даётся ей легче, чем вопрос о том, кто ждёт дома. Неля могла спросить дальше, но занялась блюдом и больше Асю не тревожила.

Павла закончила есть, вытерла пальцы и свернула Дашин рисунок.

— Пойдём. Пока у меня помощник не спит, перенесём ящик.

Даша посмотрела на Степана.

— А когда обратно?

Все притихли. Василий опустил чашку.

— Если утром, то скоро выходить, — сказал Степан. — Нужно до двери дойти, пока не рассвело. Хочешь — проводим.

Он не смотрел на Асю. Своё предложение ей он ещё не отменял; Даше можно было помочь отдельно. Но для этого пришлось бы сейчас встать из-за стола, разбудить верблюдов, снова перевязать поклажу и оставить вопрос Аси до следующей ночи. Он представлял себе каждое движение и ждал ответа, не торопя девушку.

— Мне только поправить край, — сказала Даша. — Это недолго?

Павла пожала плечами.

— Пока не начнёшь, не узнаешь.

— А если я завтра захочу уйти?

— Завтра и уйдёшь. Форма твоя. Должна будешь за еду и место, если работать не станешь. Станешь — рассчитаемся работой.

— Я могу со своим телефоном остаться?

Павла посмотрела на лежавший возле чашки чёрный прямоугольник.

— Если не орёт.

— Он не орёт.

— Тогда оставайся.

Даша взяла телефон и выключила экран. Потом вдруг спросила Василия:

— А вы знали, что она предложит?

— Что именно?

— Работать.

— Надеялся.

— Почему не сказали?

— Ты бы не пошла. Сказала бы: я ещё не умею.

Даша долго смотрела на него. Степану казалось, что сейчас она скажет что-нибудь резкое. Но она только провела ногтем по краю чехла.

— Это я сама должна была сказать.

Василий кивнул. На этот раз без шутки.

Павла встала, и Даша поднялась следом. Во дворе они завернули обе половины формы в ткань и уложили в ящик. Даша сняла с него ремень и принесла Степану. Кожа возле пряжки потемнела от её рук.

— Спасибо. С ним не так болталось.

— Я его для того и давал.

Он свернул ремень и убрал в рюкзак. Даша задержалась рядом, будто хотела ещё что-то спросить, потом наклонилась к Асе.

— Вы к нам придёте?

— Если можно.

— Почему нельзя? Мы рядом. Мне показали.

Ася сказала, что придёт. Помощник Павлы, долговязый парень с мокрыми до локтей руками, уже ждал во дворе. Вместе с Дашей он поднял ящик. Павла пошла впереди, а Неля вышла проводить их до ворот.

Когда они скрылись, за столом стало просторно и слишком тихо. Федот потянулся за последним куском пирога и остановился, увидев, что на него смотрят.

— Ребёнку оставлю, — сказал он.

— Тогда не ешь по дороге, — ответила из двора Неля.

***

Люди в серых накидках пришли, когда со стола уже убрали.

Василий спал на расстеленном у стены тюфяке, отвернувшись к своему рюкзаку. Степан сидел рядом и проверял пятку. Кожа покраснела, но осталась целой; он сменил носки и успел надеть один башмак, когда в ворота постучали. Федот вышел из-за занавески, отделявшей семейную часть дома, и поднял ладонь: сидите.

Пришли двое из тех, кого встретили у колодца. У одного оставалась доска с пластинками; другой держал лампу, из-за чего лицо у него светилось снизу и казалось одутловатым.

— Ещё двое где? — спросил человек с доской.

— Один спит, другая у Павлы, — ответил Федот. — Я же сказал.

— Пусть выйдут те, кто здесь.

Федот оглянулся. Степан натянул второй башмак и коснулся плеча Василия. Тот открыл глаза сразу, словно только притворялся спящим, увидел свет в дверях и сел. Ася вышла из маленькой боковой комнаты уже в дорожном платке. Сумку она оставила внутри.

Они стояли у поилки. Осёл шевелил ушами, прислушиваясь к голосам. Человек с доской спросил имя Василия, потом посмотрел на Степана.

— Дальше куда идёте?

— Пока никуда.

— Когда решите, придёте к верхней лестнице. До выхода. Отметиться.

— Зачем?

— Такое распоряжение.

Он достал одну из пластинок и протянул Федоту. Тот поднёс её ближе к лампе.

— Здесь про тех, кто от башен. Мы к башням не ходили.

— Ещё пойдёте.

— А если не пойдём?

— Значит, не пойдёте. Но прийти надо.

Степан посмотрел на его руки. Под ногтями была чёрная грязь, а на запястье — свежая ссадина. Человек весь вечер ходил по дворам и, вероятно, не меньше их хотел закончить разговор. Это не делало распоряжение менее неприятным.

— Кто выдаёт проход? — спросил Степан.

— Там узнаете.

— Я спрашиваю, чтобы понимать, к кому идти.

Человек вздохнул и повернул доску другой стороной. На ней были прорезаны две короткие строки.

— К старшему на верхней лестнице. С собой имена тех, кого ведёшь. Товар отдельно. Люди отдельно. Животные тоже отдельно, если на продажу.

— А если обратно на землю?

— На землю не надо.

Василий, до этого молчавший, скрестил руки на груди. Теперь предложение Розы выглядело ещё проще: туда, где не задают вопросов, платят за дорогу больше.

Человек с лампой вдруг повернулся к Асе.

— Вы с ним идёте?

Она посмотрела на Степана.

— Ещё не договорились.

— Тогда пока не договаривайтесь. Утром придёт старший. Посмотрит, кого куда вести.

— Она не товар, — сказал Степан.

— Я про товар уже сказал.

Человек с лампой не рассердился. Он даже не понял, почему Степан вмешался. Поднял свет повыше, глядя на Асю, и Степану пришлось удержать себя, чтобы не отодвинуть лампу рукой.

— Кто вас на земле провожал?

— Никто.

— Родные здесь есть?

— Были.

— Где?

— У белой стены.

Федот стоял неподвижно. Василий перестал смотреть на пластинку.

— Когда ушли?

— Давно.

— Давно — это не время.

— Восемнадцать лет назад, — сказала Ася.

Человек с лампой переглянулся с товарищем. Тот спрятал пластинку обратно, хотя Федот ещё держал её за край, и поднял доску под мышку.

— Утром старший придёт. Далеко не ходите.

— Вы запрещаете? — спросил Степан.

— Я сказал: далеко не ходите.

Они ушли. Федот задвинул воротный засов и некоторое время стоял к остальным спиной. Степан ждал, что он повернётся к Асе и спросит о белой стене, но хозяин посмотрел на него.

— Ты мне кого привёз?

Неля появилась на пороге. В руке у неё было детское платье; она держала его за одно плечо, и рукав волочился по полу.

— Здесь будете говорить или ребёнка разбудите?

Федот опустил голову. Он пошёл к ней, взял платье и вместе с женой скрылся за занавеской. На дворе остались трое.

— Вот теперь надо было соглашаться на сундуки, — сказал Василий.

Ася медленно сняла платок. На лбу у неё осталась влажная полоса.

— Я могу уйти из этого дома.

— Куда? — спросил Степан.

— Найду место.

— Вы уже нашли. И привели туда людей с распоряжением.

Он сказал резче, чем собирался. Ася сложила платок и не ответила. Василий развернулся, ушёл в дом и лёг на свой тюфяк. Через открытую дверь было видно, как он натягивает одеяло на голову.

***

Степан сел на каменный край поилки. Вода была далеко внизу; от неё тянуло прохладой. Ася осталась стоять.

— Что у белой стены случилось восемнадцать лет назад?

— Там рухнула нижняя лестница.

— Сама?

— Нет.

— Вы её обрушили?

— Нет.

— А что сделали?

Ася посмотрела в сторону дома. За занавеской тихо разговаривали Федот и Неля. Слов было не разобрать, но Степан слышал, что жена говорит дольше, а Федот отвечает коротко.

— Я убила человека, — сказала Ася.

Степан не сразу поднял голову. Всё время, от мастерской до этого двора, он готовился к такому ответу и всё же ждал другого. Кражи, ложного обвинения, чужого ребёнка, которого вывели по запретной дороге. Чего угодно, что позволило бы ему сразу выбрать сторону.

— Кого?

— Андрея Коваля. Он был начальником стражи у белой стены.

— За что?

— За моего брата.

— Он убил вашего брата?

— Брат умер у него. Под стражей. Мне потом отдали одежду.

Она произнесла последнюю фразу ровно. Степан представил свёрток, который можно было унести домой, прижать к себе, развернуть на столе. Спросить, что именно было в нём, он не смог.

— Вас судили?

— Без меня. Я уже ушла.

— Почему не остались?

Ася села рядом, оставив между ними место для ещё одного человека.

— Потому что хотела жить.

За стеной затрещали колёса. Кто-то вёз пустую тележку, она подскакивала на камнях, и треск долго не утихал. Степан следил за ним, пока не понял, что ждёт продолжения ответа. Ася больше ничего не сказала.

— А теперь не хотите?

— Хочу.

Он посмотрел на её руки. Она держала сложенный платок так крепко, что ногти побелели.

— Тогда я не понимаю, зачем вы идёте.

— Я знаю.

— Помогите мне понять.

— Я не могу сейчас.

— Не можете или не хотите?

— Не хочу.

Это было честнее всего, что она сказала о своей дороге, и Степан рассердился ещё сильнее. Он поднялся, сделал несколько шагов по двору и остановился возле грузового верблюда. Тот лежал, подогнув ноги, и смотрел на него спокойно, как на человека, от которого ночью уже ничего не требуется.

— Я не обещаю идти дальше, — сказал Степан.

— Вы и не обещали.

— И забирать вас у тех людей не обещаю.

— Не надо меня забирать. Мне надо дойти.

Он повернулся. Ася сидела на том же месте, платок лежал у неё на коленях. Без него она казалась моложе и гораздо более усталой.

— Утром посмотрим, что они хотят, — сказал он. — До утра оставайтесь здесь. Я с Федотом поговорю.

Она кивнула.

Степан вошёл в дом. Василий лежал лицом к стене, но одеяло уже спустил с головы. Увидеть его глаза было нельзя.

— Ты слышал? — тихо спросил Степан.

— Слышал.

— Что думаешь?

Василий долго не отвечал. Потом перевернулся на спину и посмотрел в потолок.

— Думаю, пустые сундуки мы вдвоём легко бы унесли.

Степан сел на край своего тюфяка. На столе осталось блюдо; на нём под перевёрнутой чашкой лежал оставленный девочке кусок пирога. Он забрал со стола складной нож, снял башмаки и лёг, не раздеваясь.

За стеной снова ударил колокол. Здесь, в доме, звук был негромким и долгим, как гул в опустевшей бутылке. Никто не побежал к двери. Неля поправила занавеску, Федот кашлянул, ребёнок что-то пробормотал во сне. Степан закрыл глаза, и впервые после перехода ему захотелось, чтобы до утра осталось побольше времени.

Глава 6. Человек с пустыми носилками

Утро под песком начиналось с шума.

Сначала Степан услышал осла, потом детский голос, который требовал вернуть чашку. Кто-то открыл ворота, и во двор въехала тележка: скрип одного колеса повторялся через равные промежутки. Степан сел и посмотрел в открытое окно. Над крышами было серо, словно город накрыли огромным непросохшим полотном. Звёзды исчезли, но солнца не появилось.

Василия на тюфяке не было. Ася сидела у стола с дочерью Нели; девочка крошила остаток пирога на блюдо и выбирала начинку. Ася придерживала чашку, которую та всё время задевала локтем.

— Это моя, — сказала девочка, заметив, что Степан проснулся.

— Я не беру.

— А она взяла.

— Чтобы ты не опрокинула, — сказала Ася.

Девочка подумала и разрешила держать. Степан обулся, умылся во дворе и нашёл Федота за навесом. Тот резал новую подкладку под вьюк. На земле лежала полоса старой ткани; рядом стоял верблюд, опустив голову к его плечу.

— Поговорить надо, — сказал Степан.

— Я вчера догадался.

Федот отодвинул морду животного и поднялся. Степан рассказал ему о казни, о вчерашнем признании Аси и о том, до какого места взялся её вести. Хозяин слушал без вопросов, держа нож остриём к земле. Когда Степан закончил, он провёл большим пальцем по рукояти.

— Я Коваля не знал. Мне тогда лет двенадцать было. Но про лестницу слышал. С белой стены сюда семья пришла, у них мальчик ни с кем не говорил. На него кричали — молчит, хлеб дают — молчит. Потом заговорил, конечно. Я уже взрослым его видел.

— Она говорит, не она лестницу обрушила.

— А я откуда знаю? Я и её не знаю. Ты привёз.

— До утра она здесь. Дальше решим.

Федот посмотрел на серое небо.

— Уже утро.

Степан промолчал. Возле поилки девочка высыпала крошки в ладонь и тянула их ослу. Неля успела перехватить её за запястье прежде, чем тот раскрыл губы. Ребёнок обиделся и пошёл к Асе жаловаться.

— Я не выгоню, — сказал Федот. — Только ты мне больше так не делай. У меня дом, а не место, где можно переждать, пока за тобой придут. Я ещё сам к тому, что дом, не привык.

Он присел к ткани, но резать не стал.

— К башням я вас не поведу. Ни по верхней, ни по той, что ты знаешь. Теперь там пропуск спрашивают у каждого. Не даст старший — придётся другой путь искать.

— Найду.

Федот поднял глаза.

— Ты ведь не договорился ещё.

— Не договорился.

— А говоришь уже так, будто завтра туда идёшь.

Степан нагнулся, поднял край ткани и придержал его, пока Федот выравнивал срез. Хотелось сделать что-нибудь полезное и молчать. За эту ночь он успел сказать Асе несколько верных вещей, и ни одна не помогла ему понять, как уйти одному.

Василий вернулся с двумя кусками свежего хлеба. Положил их на стол и сообщил, что сундуки уже увезли: Роза нашла другого проводника. Степан не спросил, ходил ли он договариваться о работе или только узнать цену. Василий и сам не объяснил.

***

Старший приехал ближе к полудню, когда город снова стал тише. Он не носил серой накидки. На нём был короткий тёмный кафтан с вытертыми локтями, а на груди висела плоская коробочка на ремне. Такие Степан видел у людей, собиравших плату за воду: внутри держали знаки, подтверждающие долг или расчёт.

Позади него двое работников внесли во двор закрытые носилки. Поставили у ворот и выпрямились, разминая плечи. Дверца была прикрыта, занавеска изнутри собрана в жгут; под ней виднелась узкая решётка.

Старший сперва поздоровался с Нелей. Назвал своё имя — Глеб — и спросил, здесь ли остановилась женщина с земли. Неля не ответила. Она стояла у двери и вытирала руки полотенцем, хотя они давно были сухими.

— Я здесь, — сказала Ася.

Она вышла без сумки. Степан шагнул следом, но Глеб повернулся к нему раньше, чем он успел заговорить.

— Проводник может присутствовать. Мне скрывать нечего. Я пришёл предложить вам путь, на котором не придётся объясняться у каждой лестницы.

— Куда? — спросила Ася.

— К белой стене. Куда вы собираетесь. Оттуда пришло распоряжение доставлять вернувшихся по отдельности. Сейчас много людей идёт, всякое случается. Кто-то предъявляет чужое имя, кто-то берёт деньги за дорогу и исчезает.

Он смотрел на Степана с вежливым сожалением, словно хотел предупредить, что последняя фраза не о нём.

— С кем доставлять? — спросил Степан.

— С людьми, которых там знают. Вам за уже сделанное заплатили?

— Мы рассчитаемся сами, — сказала Ася.

— Разумеется. Я предлагаю помощь. Вам не нужно ещё раз платить за то, что можно получить по распоряжению города.

Глеб открыл коробочку. Внутри на тонких перегородках лежали несколько пластинок, обёрнутых тканью. Он достал верхнюю и показал Асе. Степан увидел знакомое изображение стены; ниже тянулись знаки, которых он не понимал.

Ася долго смотрела на пластинку.

— Прочитайте, — сказал Глеб. — Если что-то неясно, я объясню.

— Здесь написано: до двора ожидающих.

— Совершенно верно. Там собирают тех, кому требуется сопровождение дальше.

— А дальше написано?

Глеб приподнял брови.

— Это разрешение на первый участок.

— Вы сказали, к белой стене.

— Вы же не рассчитываете дойти одним переходом? Там вас примут, дадут отдых и решат, с кем отправить. Здесь вы тратите время без всякой пользы.

Ася отступила на шаг. Глеб не убрал пластинку. Он держал её на раскрытой ладони, предлагая прочитать ещё раз, и говорил всё тем же спокойным голосом:

— Ася Ремезова, я знаю, кто вы. Не надо было называть моим людям другое имя. От этого возникли подозрения, которых могло не быть. Если вы пришли добровольно, почему не хотите идти с теми, кому поручено вас встретить?

Федот перевёл взгляд на Степана. Неля повесила полотенце на дверную скобу и подошла ближе.

— Кем поручено? — спросил Степан.

— Людьми у белой стены.

— Чьё имя на распоряжении?

Глеб посмотрел на него уже без сожаления.

— Вы читать умеете?

— Не всё. Она умеет.

Он повернулся к Асе. Та смотрела на серую ткань, в которую была завёрнута пластинка.

— Здесь только знак приёмного двора, — сказала она. — Имени нет.

— Оно и не требуется. Вы ведь не к человеку идёте. Вы идёте в город.

Степан отошёл к носилкам и приоткрыл дверцу. Один из работников сразу выпрямился, но останавливать его не стал. Снаружи к дверце были прибиты скобы для деревянного засова. Сам засов лежал на полу внутри вместе с короткой цепью. Носилки пахли сырой соломой и человеческим потом, хотя подушки на сиденье были чистыми.

— И до двора её понесут?

— До нижней улицы, — сказал работник. — Там телега.

Глеб закрыл коробочку.

— На верхних ступенях тесно. Не всем удобно проходить пешком. Если госпожа предпочитает, она может идти сама.

— Зачем цепь?

— Я не заказываю новые носилки для каждого гостя. Эти привезли отсюда человека, который болен и пытался выпрыгнуть. Спросите у любого, кто его видел. Мы его не били и не бросили по дороге.

Он говорил уверенно. Работник с короткой бородой кивнул, подтверждая. Степан не знал, правду ли им рассказывают, и не мог объявить цепь доказательством похищения. Но стоило представить Асю за этой дверцей, и внутри всё сжалось.

— Во дворе ожидающих можно отказаться от сопровождения? — спросил он.

Глеб помедлил.

— Можно подать просьбу.

— И уйти?

— После ответа.

Ася повернулась к Неле.

— Разрешите я побуду у вас ещё до вечера? Я заплачу.

— Побудь, — сказала Неля.

Глеб убрал руку с коробочки.

— Не советую вам втягивать хозяев в свои затруднения. Они приняли гостя, а не отвечают за него перед чужим городом.

— Вот и не спрашивайте с них, — ответила Ася. — Я с вами не пойду.

Он посмотрел на Степана.

— Вы ей это посоветовали?

— Она при вас решила.

— Женщина не понимает, что её ждёт за пределами двора. Если её узнают у печей, я не смогу поставить возле неё людей на весь день. Здесь достаточно тех, кто помнит нижнюю лестницу.

Неля подошла к носилкам и подняла цепь с их пола. Подержала её, затем положила на сиденье, чтобы было видно снаружи.

— Дай мне расписку, — сказала она Глебу.

— За что?

— Что забрал у меня живую женщину. Как зовут, куда повёз. Своё имя поставь и кто отвечает дальше. Тогда я хоть буду знать, что сказать, если спросят.

— Я её не забираю. Я предложил путь.

— Значит, убирайте это со двора. Верблюда к воде не подведёшь.

Она указала на носилки. Работники посмотрели на Глеба, а тот продолжал смотреть на Нелю. За воротами уже собрались люди: в тесной улице кто-то кого-то обошёл, остановился, спросил, что происходит. Показалась Павла, за ней Даша с небольшим свёртком. Девушка хотела войти, но Павла удержала её за плечо.

— Я могу записать, — сказала Павла с улицы. — Если человеку некогда.

Глеб улыбнулся. Улыбка у него вышла усталой.

— Вы все защищаете её от предложения, которого она вправе не принять. У нас есть больные, которых надо везти, есть дети без родителей, есть люди, пришедшие ночью без воды. Я не собираюсь весь день стоять здесь и уговаривать того, кто отказался.

Он махнул работникам. Те подняли носилки, и Неле пришлось отступить к поилке, чтобы длинный шест не ударил её по коленям. Глеб подождал, пока они выйдут, потом остановился перед Степаном.

— Верхнюю дорогу я вам не разрешу. Не потому, что вы спорили. Там вас остановят, потребуют передать женщину и отнимут животных, если вы станете сопротивляться. Я хотя бы не отнимаю их заранее.

— А другую?

— Другая сейчас ваша забота.

Он вышел. Несколько человек отступили вместе с ним, пропуская носилки. Остальные разошлись не сразу; Степан слышал обрывки вопросов, которые задавали друг другу на улице.

Василий стоял под навесом. За весь разговор он ни разу не вмешался. Теперь он подошёл к воротам и посмотрел вслед носилкам.

— Я у него про дорогу спрошу, — сказал он. — Кто-нибудь должен.

Степан кивнул. Ему самому нечего было возразить против слова «спрошу». Он впустил Павлу с Дашей, закрыл ворота за Василием и повернулся к Неле.

— Спасибо.

— Не за что пока. Вечером уведёшь её. Ты слышал?

— Слышал.

Неля забрала полотенце со скобы и пошла в дом. Девочка сидела на полу возле постели и играла перевёрнутой чашкой. Всё это время она оставалась внутри одна.

***

Василий догнал Глеба у поворота. Носилки уже унесли вперёд; из-за занавески высовывался конец цепи, который не убрали с сиденья. Он качался в такт шагам работников.

— Про верхнюю дорогу, — сказал Василий. — Ты серьёзно?

— У меня много времени на шутки?

Глеб остановился в тени навеса. На полу возле его ног сохли миски. Он осторожно переступил через крайнюю, чтобы не задеть носком.

— Если она пойдёт с твоими, остальных пропустят?

— С этим я могу помочь. Но потом не требуйте вести вас одним караваном. У сопровождающих своя дорога.

Василий потер щёку. Ночью он так и не выспался; казалось, на коже ещё осталась грубая ткань тюфяка.

— А если она сама не пойдёт?

— Тогда не веди. Ты проводник, а не отец ей. Скажи, что дорога закрыта.

— Она другого найдёт.

— Значит, другой за неё и ответит.

Глеб пошёл дальше. Василий некоторое время смотрел ему вслед, потом свернул туда, где за рядами печей стоял двор Розы. У ворот привязывали пустые корзины к бокам осла. На земле лежала сломанная крышка сундука, но самих сундуков уже не было.

Роза сидела под навесом перед широкой чашей и пересыпала монеты из одного мешочка в другой. Увидев Василия, она накрыла чашу полотенцем.

— Поздно. Увезли.

— Я не за ними.

— Тогда садись. Вчера ты всё стоял, сегодня опять стоишь. Мне от тебя ноги болят.

Он сел на низкую скамью. Роза налила воды в кружку и подвинула ему. Василий выпил, не отрываясь, потом провёл мокрой ладонью по затылку.

— Степан её не оставит, — сказал он.

Роза посмотрела на закрытую чашу.

— Я думала, вы до печей.

— Все так думали.

— Почему не оставит?

— Потому что на него посмотрели. Он теперь отводить глаза не умеет.

Роза промолчала. В дальнем конце двора кто-то уронил связку досок, и она повернула голову на грохот, но с места не встала.

— Тебя-то зачем с собой тянет? — спросила она.

— Он не тянет.

— А ты всё равно пойдёшь.

Василий покрутил кружку в ладонях. На дне был тёмный ободок, который не удавалось отмыть. Он вспомнил вчерашний пирог, слова про Елену, за которые Степан даже не рассердился. На Земле у друга было кому обидеться за него. Здесь тоже находились люди, которые ждали, что он скажет последнее слово. Василий мог уйти с четырьмя сундуками и хорошей платой, но пришлось бы потом объяснять, почему вернулся один.

— Есть дорога через солёный двор, — сказал он. — Федот её знает?

— Федот знает. Она длинная.

— Длиннее верхней?

— Если не свернуть к сухой впадине, на ночь длиннее. А там как ляжет песок.

Роза поправила полотенце. Один угол соскользнул с чаши, открыв жёлтые кружки монет.

— Пусть идут через двор, — сказала она. — Там хоть люди. Выйдут, отдохнут. За спешку здесь никто доплачивать не будет.

— У неё срок.

— У всех срок. У моего работника жена со дня на день родит, а он сундуки тащит. Не только у твоей женщины дела.

— Она не моя.

— Хорошо. Не твоя.

Роза поднялась и сама принесла с полки кусок хлеба. Положила перед Василием; он отломил край, хотя недавно ел.

— Мне что сказали, — продолжила она, садясь. — Если Ремезова вернётся без предупреждения, у белой стены начнутся драки. Одни будут тащить её к суду, другие из суда. Есть

семьи, которым обещали вернуть имущество, когда закончат старое дело. Они ждать больше не хотят. А есть такие, которым это имущество уже продали. Представляешь?

Василий жевал. Роза не требовала ответа.

— Я в их старых делах не разбираюсь. Но если сюда снова пойдут люди с пустыми руками, кормить мне. У меня два двора, а не десять. Пусть сначала договорятся между собой, кого и куда поведут. Несколько ночей — разве это так много?

— Для неё, выходит, много.

— А для остальных? Ты их спросил?

Он отложил хлеб.

— Ты чего от меня хочешь?

Роза посмотрела ему в лицо.

— Чтобы ты не бежал наперегонки с чужой бедой. Веди, если уж взялся. Но веди через людей, с остановками. До белой стены письмо успеет дойти раньше вас, и там подготовятся. Может, тогда никого не станут вязать у дороги.

— Письмо от кого?

— От тех, кто ещё может договориться.

Василий отодвинул кружку. Роза не назвала имён, а он не стал спрашивать второй раз. В её словах было многое, что он и сам успел себе сказать: дорога закрыта, женщина скрывает главное, Степан опять делает вид, будто решение принял один и больше никого не касается.

— За задержку я не берусь, — сказал он.

— Я тебе разве платила?

— Я на всякий случай.

— Тогда на всякий случай поешь. Хлеб перед тобой лежит.

Он доел кусок и встал. Роза не удерживала. Когда Василий дошёл до ворот, она окликнула его:

— Пряжки привезёшь всё-таки?

— Если вернусь.

— Ну вот. Теперь и ты страшные слова говоришь.

Она сняла полотенце с чаши и снова стала разбирать деньги. Василий вышел на улицу. Возле поворота стоял один из вчерашних людей в сером. Он посмотрел на проводника, потом отвернулся, будто ждал не его.

Глава 7. Обход

В Дашином свёртке оказались две рубахи. Павла принесла их Неле — вернуть после стирки, — а Даша всю дорогу несла так осторожно, будто там лежала новая форма. Теперь она положила свёрток на скамью и посмотрела на Асю.

— Вы не пришли.

— Не получилось.

— Мы сами собирались. Только сначала эти…

Она посмотрела на ворота. Павла уже объясняла Федоту, какие сосуды нужно забрать вечером и в какие корзины их уложить. Степан услышал слова «солёный двор» и подошёл к ним.

— Ты туда идёшь?

Федот пожал плечами.

— До вашего прихода собирался. Заказ готов. У Павлы там покупатель, он мне на обратную дорогу груз даст. Две ночи туда, одна обратно, если ветер не повернёт.

— Роза сказала, можно за одну, — произнёс вернувшийся Василий от ворот.

Степан обернулся. Напарник вошёл, прижимая ладонью полы жилета, и остановился у стены.

— Где ты с ней встретился?

— К ней зашёл. Глеб ничего нового не сказал.

— Роза тоже не всё говорит, — ответил Федот. — Через сухую впадину можно за одну. Я туда с грузом не пойду. По краю — две. Днём пересидим у камня.

— С каким камнем? — спросила Даша.

— С большим. Его увидишь, не перепутаешь.

Павла посмотрела на девушку.

— Я её с вами пошлю. До солёного двора и обратно. Пусть увидит, как посуду принимают. Она думает, люди сперва на цветы смотрят.

— Я не думаю, что сперва, — возразила Даша.

— А я думаю, что думаешь.

Степан молчал. Федот ждал его вопроса и всё время оглядывался на дом. Неля за дверью перекладывала что-то в сундуке; слышно было, как стукнула крышка.

— Меня с Асей возьмёшь? — спросил Степан.

Федот выдохнул.

— До двора возьму. Оттуда другой человек пойдёт. Мне возвращаться надо.

— А я? — спросил Василий.

— А ты сам ещё не сказал.

Василий провёл рукой по лицу. Ему явно хотелось ответить резко, но Павла смотрела на него, и он опустил ладонь.

— Пойду.

— Тогда помогай грузить. Животных лишних нет.

Федот направился к навесу. Степан хотел последовать за ним, однако Даша неожиданно встала у него на пути.

— Можно я с вами отдельно поговорю?

Он отвёл её к поилке. Девушка оглянулась на Асю; та осталась на скамье возле свёртка и слышать их не могла, если говорить тихо.

— Что она сделала?

— Почему ты спрашиваешь?

Даша нахмурилась.

— Потому что хочу знать. Её забрать хотели. Я с вами пойду, а мне опять ничего не скажут.

Степан посмотрел на девушку внимательнее. За ночь её обида стала тише, но никуда не исчезла. Он вспомнил, как Василий признался, что не объяснил ей про закрывающуюся земную дверь.

— Она идёт в город, где её приговорили к смерти, — сказал он. — Давно, восемнадцать лет назад. Вчера сказала мне, что убила человека.

Даша опустила глаза на воду. На поверхности плавала сухая травинка; к ней подплывал маленький чёрный жук и всё время промахивался.

— И вы её туда ведёте?

— Она сама идёт. Я пока согласился до солёного двора.

— Чтобы её убили?

— Я не хочу, чтобы её убили.

— Тогда зачем?

Степан не смог сразу ответить. Даша подняла на него глаза, и он понял, что девушка ждёт не тайны, а обычной понятной причины, которую взрослый должен был бы иметь.

— Я надеюсь, там станет яснее, — сказал он. — Здесь её тоже хотели увести. Куда потом отправят, никто не объяснил. А оставить одну и вернуться домой я сейчас не могу.

— Почему?

— Потому что я уже её знаю.

Даша отвернулась. На соседнем дворе кто-то колотил ковёр, и после каждого удара над стеной поднималась пыль. Она смотрела туда, пока не перестала хмуриться.

— Павла знает?

— Сейчас скажу ей. Ты можешь остаться у неё. Федот отвезёт посуду сам, твоя работа не пропадёт.

Даша кивнула. Степан отошёл к Павле и рассказал ей об убийстве Коваля и об Асином возвращении. Мастерица не удивилась имени убитого, но спросила, кто именно поручил Глебу явиться. Степан ответил, что имени на пластинке не было.

— Вот как, — сказала Павла.

Она не стала объяснять, что имела в виду. Подозвала Дашу, и они долго разговаривали возле ворот. Степан не слушал. Он достал из рюкзака возвращённый ремень и помог Федоту подогнать новую подкладку, пока Ася беседовала с Нелей у двери.

Через некоторое время Даша подошла к ним.

— Я поеду. Только до двора. И обратно с Федотом.

— Хорошо, — сказал Степан.

— Я не за вами, — добавила она. — Я свою работу делать.

— Я понял.

Она посмотрела на него с сомнением, потом взяла у Федота пустую корзину и понесла вслед за Павлой. Ася поднялась, чтобы идти с ними: в мастерскую она всё-таки хотела заглянуть до вечера.

***

Мастерская занимала три тесных помещения, но работали в основном на дворе. Под навесами стояли ряды сосудов, укрытых от пыли; между ними оставались проходы шириной в одну ступню. Даша уже знала, где можно ставить ногу, и дважды обернулась проверить, идёт ли Ася за ней.

Степан пришёл с Федотом за корзинами. Василий остался собирать общую поклажу. Помощник Павлы, которого звали Клим, подал проводникам деревянные подставки и велел

не ставить на голую землю: там бегали муравьи. Когда Федот спросил, какое муравьям дело до горшков, Клим показал на ткань между ними.

— Тут сладкое пролили. Вы потом их всю дорогу высыпать будете.

Павла недовольно забрала у него липкую тряпицу. Даша стояла за столом и показывала Асе форму. На одном краю пропали два лепестка; девушка провела пальцем по гладкому месту, будто проверяя заживший порез.

— Некрасиво теперь.

Ася наклонилась.

— Ты только здесь убрала?

— Да.

— А если с другой стороны тоже? Чтобы одинаково.

— Она так же сказала.

— Кто?

Даша кивнула на Павлу.

— Мне ещё один жалко.

Ася посмотрела на рисунок. Потом спросила разрешения взять карандаш и провела две короткие линии между листьями. Даша подалась ближе.

— Так можно было сразу, — сказала она после паузы.

— Я же не знала.

Степан заметил, что Ася отвечает ей на «ты» легко, почти рассеянно; со взрослыми она всякий раз словно проверяла, на сколько слов может себе позволить задержаться. Теперь она сидела за низким столом, волосы выбились из платка, на пальце остался графит. Даша подвинула ей стул получше, и они вместе стали передвигать рисунок к свету.

Павла не вмешивалась. Она подошла к Степану и указала на шесть корзин возле стены.

— Эти заберёте. В двух вода, остальные пустые сосуды. Воду по дороге можете пить, за неё не спрошу. Сосуды чтобы дошли.

Федот открыл одну корзину. Внутри стояли два широких кувшина, каждый обёрнутый плотной тканью. Он проверил горлышки, подтянул завязки и поднял корзину за ручки, оценивая вес.

— На одного всё не положишь.

— Я тебе говорила.

— Говорила четыре. Здесь шесть.

— Две добавили.

— Они сами добавились?

Павла посмотрела на него без улыбки.

— Не хочешь — оставь. Но в солёном дворе один кувшин треснул, другой забрали у соседей. Я обещала, что сегодня уйдут.

Федот снова поставил корзину. Степан видел, что тот считает не деньги, а места на животных. Посуда была объёмной, и если закрепить её плохо, верблюд разобьёт край о собственную поклажу.

— Я пешком пойду, — сказала Ася от стола.

Федот посмотрел на неё.

— Две ночи?

— Сколько смогу. Потом поменяемся.

— Здесь не по прямой. Ноги устанут раньше, чем кажется.

— У меня они уже устали. От сидения.

В её голосе не было вызова. Федот наклонился к следующей корзине, вынул плохо уложенную прокладку и переделал её молча. Степан помог ему с ручками. Два верблюда пойдут под грузом, на третьем будут ехать по очереди; для пятерых людей это означало больше ходьбы,

чем он хотел. Но кувшины с водой всё равно понадобились бы им самим, а возвращаться к разговору о носилках никто не собирался.

Когда начали переносить корзины к выходу, Павла подозвала Асю. Даша стояла рядом.

— Я тебя прежде не видела. Про то, что ты сделала, судить не стану. Но если люди начнут спрашивать, кто с тобой был, моя девочка скажет правду. Ты у неё молчания не проси.

Ася посмотрела на Дашу. Та покраснела при словах «моя девочка», но от Павлы не отошла.

— Не попрошу, — сказала Ася.

Она вернула карандаш и встала. По дороге к воротам Степан заметил у неё на рукаве маленькую белую ладонь из пыли: Даша, показывая рисунок, держала её за локоть.

***

Перед выходом Ася рассчиталась с Нелей за еду и комнату. Хозяйка взяла ровно столько, сколько назвала, а добавленные монеты отодвинула обратно.

— Это ещё зачем?

— За хлопоты.

— За еду и комнату хватит. Убери.

Ася убрала деньги. Рядом девочка натягивала на куклу выстиранную рубаху, слишком большую для её тряпичного тела. Увидев, что гостья прощается, она протянула куклу ей.

— Завяжи.

Ася присела. На завязке распустился конец; она скрутила его пальцами и продела в петлю. Девочка потянула куклу обратно раньше, чем узел был готов, потом терпеливо подождала, когда Ася попросила не дёргать.

— Всё, — сказала Ася.

— А вторая?

Она завязала и вторую. Неля смотрела на них, держа кошелёк в руке.

Степан стоял у поклажи и не торопил. Ему тоже нужно было получить от Аси деньги за следующий участок и объяснить, что с этой минуты он отвечает за дорогу до солёного двора. Казалось нелепым снова раскладывать плату по отдельным переходам, когда он уже обещал увести её из дома. И всё же оставлять расчёт неопределённым было хуже: тогда очень скоро любой её шаг он начал бы считать своей уступкой.

Они поговорили у ворот. Ася достала оставшиеся земные купюры, но Степан покачал головой.

— У вас местных на сколько?

Она показала. Он отобрал часть, назвал плату Федоту, за животных и за обратный участок самого проводника. За работу себе и Василию взял меньше, чем рассчитывал прежде.

— Почему? — спросила Ася.

— Мы уже здесь. За первый проход вы заплатили.

— Василий согласен?

— Спрошу.

Он спросил при ней. Василий посмотрел на монеты и ответил:

— До двора хватит.

Степан разделил деньги. Ася спрятала остаток в поясной карман; земные купюры вернула в бумажник. Глиняное извещение оставалось в плоском кожаном футляре у неё в сумке. Она проверила, на месте ли оно, и застегнула клапан.

— После двора поговорим заново, — сказал Степан. — Я не знаю, какой будет дорога дальше.

— Если решите меня оставить, скажите сначала мне, — попросила она. — Не Василию, не хозяину дома. Мне.

— Скажу.

Ася подняла сумку на плечо и вышла. Степан проверил, убрал ли деньги, хотя прекрасно помнил, как застегнул карман.

Даша несла небольшой мешок с одеждой и плотный свёрток от Павлы. Форма и ящик остались в мастерской. В свёртке лежали два готовых колокольчика без узора: их нужно было показать покупательнице, которая раньше брала только чашки. Даша держала свёрток под мышкой, время от времени поправляя, чтобы не стукнуть о стену.

Федот простился с Нелей коротко и негромко. Девочка схватила его за палец, он наклонился, выслушал что-то, что она сказала ему в ухо, и пообещал. Степан не услышал чего. Потом хозяин взял повод первого грузового верблюда и вывел его на улицу.

***

Они поднимались тем же широким проходом, по которому спускались ночью. Лестница для людей была сбоку, но женщины остались с животными: здесь можно было идти рядом и не обгонять друг друга на ступенях. На верхней площадке ждали другие караваны. Два мужчины спорили о мешке с шерстью, мальчик сидел на пустой тележке и водил пальцем по её краю. Стражник в сером пропускал людей, взглянув на пластинки, которые они показывали.

Степан остановился возле Федота. Повод второго грузового верблюда тянул руку: животное хотело приблизиться к первому. Василий шёл последним с пустым седельным.

— Сосуды Павлы, — сказал Федот, протягивая свою пластинку. — В солёный двор.

Стражник посмотрел на знак, затем на Асю.

— Я вас помню.

— Мы тоже, — ответил Василий.

— К башням пропуска нет.

— Мы к башням не идём, — сказал Федот. — Мы в солёный двор. Здесь написано.

Стражник перевернул пластинку. Провёл ногтем по нижнему краю, как будто там могло появиться другое место назначения. Степан ждал. За их спинами уже собиралась очередь, и мужчина с шерстью перестал спорить, чтобы прислушаться.

— С женщиной? — спросил стражник.

— Нас пятеро. Все пойдём.

Тот ещё раз посмотрел на Асю. Она смотрела под ноги. Платок оставлял лицо открытым, сумка висела на боку; обе руки были свободны.

Стражник вернул пластинку.

— Если повернёте после камня, там вас и возьмут. Здесь не говорите потом, что разрешили.

Федот убрал знак в карман и повёл верблюда дальше. Степан шёл следом. Он ожидал окрика, новой проверки, появления Глеба, но услышал лишь, как тот же человек спросил у мужчины с шерстью, где оплачено место на ночь. Выход ещё не открылся; Федот уложил животных возле стены, и они ждали вместе с остальными.

Когда ударил колокол, песок за аркой осыпался, открывая гладкую полоску неба. Затем полоска расширилась, и в лицо дохнуло жаром, который каменные улицы удерживали снаружи. Здесь ещё догорал закат. Животные поднялись одно за другим, и Даша вдруг остановилась посреди движения, глядя на красное облако за дюной.

— Оно то же, — сказала она.

— Что? — спросила Ася.

— Небо. Я думала, здесь днём совсем нет.

— Я тоже так думала. Сначала.

Степан вышел последним, передав свой повод Василию, чтобы придержать поклажу под низким краем. Из города ещё доносились голоса, но стоило пройти несколько десятков шагов, и остался только песок под подошвами.

Сначала они пошли в сторону земной двери. У длинной пологой гряды путь разделялся: следы одних караванов уходили дальше к входу на Землю, другие сворачивали вдоль тёмной полосы камней. Федот выбрал камни.

Степан посмотрел на часы. На Земле у Елены начинался вечер. Она могла сейчас складывать вещи к поездке, могла говорить с Мариной, могла выйти за хлебом. Он достал телефон и увидел пустое место там, где должна была быть сеть. Отсутствие связи всегда казалось ему удобством дороги. Теперь он набрал короткое сообщение: «Пойду дальше. Вернусь позже». Прочитал, убрал последнее слово и написал: «Когда — пока не знаю». Сообщение не ушло. Он оставил его в черновиках и выключил экран.

— Заберёшь своего? — спросил Василий.

Степан поднял голову. Напарник вёл сразу двух верблюдов; один остановился, и верёвки натянулись в разные стороны. Степан забрал повод грузового.

— Ты думаешь, я не замечаю? — сказал Василий.

— Чего?

— Как ты решаешь. Сначала человеку надо помочь до печей. Потом из двора увести. Потом ещё чего-нибудь. И каждый раз вроде бы немного.

— Я спросил тебя.

— Сегодня. Уже при ней.

Степан хотел возразить, но Василий покачал головой.

— Не сейчас. Иди. Он встал.

Верблюд тянулся к колючему кусту, пробившемуся между камнями. Степан отвёл его голову и пошёл дальше. Василий отстал, пропуская Асю, и до первой остановки они больше не говорили.

Когда стемнело, Даша села на свободного верблюда. Федот затянул крепления её мешка, положил свёрток с колокольчиками впереди седла и велел держать ладонью, пока не устроится. Ася шла рядом с ней. Они иногда обменивались словами, но чаще молчали, слушая, как мерно поскрипывает кожа.

Слева лежала сухая впадина. На её дне белела длинная стена без окон; песок укрывал её до самой верхушки, так что издали она напоминала кость. Федот не спускался, держал край. Один раз он остановился и долго смотрел вниз. Степан подошёл к нему.

— Что там?

— В прошлый раз её не было.

— Стены?

— Да. Только песок.

Внизу раздался удар. Он был тихий, почти домашний, словно колокол висел в соседнем дворе. Даша повернула голову и улыбнулась: после нескольких часов дороги звук обещал людей, воду и возможность встать на землю, которая не уходит из-под ног.

Федот улыбку не разделил. Он передал повод Асе, взял с поклажи длинный шест и пошёл по краю впадины. Степан отдал своего верблюда Василию, велел остальным оставаться на месте и последовал за ним.

Глава 8. Звон без языка

Федот шёл, ставя шест перед собой. Наконечник сначала входил в песок неглубоко, потом вдруг провалился до середины. Проводник остановился и подался назад. Степан, державшийся в нескольких шагах, тоже замер.

— Здесь пусто, — сказал Федот.

Он вытащил шест. Из узкой дыры с тихим шорохом потёк песок, расширяя её по краям. Внизу показался чёрный угол камня.

— Твоя дорога дальше где?

Федот указал вдоль края впадины.

— Там шла. Теперь стена поднялась, а сверху всё осело. Обойти можно, только смотреть надо.

Снова ударил колокол. На этот раз Степан услышал его справа, хотя белая стена лежала слева и ниже. Он повернул голову. Звук словно обтекал склон, становился тише и тут же возникал в другом месте. У печей он шёл из одного прохода; здесь невозможно было понять даже, в какую сторону слушать.

Федот поднял шест и показал на тёмный выступ в конце стены.

Там стояла арка. Песок доходил до её середины, и на перекладине висел колокол — небольшой, тёмный, со светлой полосой по нижнему краю. Он не двигался. Из-под него ничего не свисало.

— Верёвки нет, — сказал Степан.

— И языка.

Степан достал фонарь. Луч скользнул по колоколу, выхватил пустую внутренность и ушёл ниже. На камне лежало что-то красное, плоское, с неровным краем. Он принял это за тряпку, пока тряпка не поднялась.

— Эй! — крикнули снизу.

Это был женский голос. Степан шагнул ближе, но Федот удержал его за рукав.

— По моим следам.

Они повернули к выступу, где край был ниже. Федот каждый раз прощупывал песок и только потом переносил вес. На спуске показались две ступени, дальше — ещё четыре. Они не открывались у них на глазах, как вход у печей; их давно обнажил ветер, и по краям уже успела осыпаться старая штукатурка.

Женщина стояла на площадке под аркой. На ней была красная рубаха с оторванным рукавом. Этим рукавом она махала над головой, показывая, что здесь человек, и не переставала смотреть вверх даже после того, как увидела свет.

— Не идите по середине! — закричала она. — Справа, к стене!

Федот остановился. Степан направил фонарь туда, куда она указывала. Посреди лестницы ступени оборвались; ниже чернел провал, а сбоку оставалась узкая полоса камня.

— Кто с тобой? — спросил Федот.

— Муж. Внизу. Живой.

Последнее слово она произнесла слишком громко, будто от их согласия зависело, сколько оно ещё будет правдой.

Степан оглянулся. Три верблюда стояли наверху неподвижно; возле них светился второй фонарь, который держал Василий. Степан поднял руку.

— Верёвку! Новую!

Василий что-то ответил. До них донеслось только последнее слово. Звон снова прокатился по впадине, и женщина внизу прижала к уху свободную ладонь.

— Замолчи ты, — сказала она. — Дай хоть услышать.

Она обращалась к пустому колоколу над головой.

***

Женщину звали Ираида. Мужа — Савва. Они шли из солёного двора к печам с ослом и маленькой тележкой, на которую уложили две связки выдубленных шкур. До края впадины добрались ещё засветло. Услышали звон и решили, что рядом открылся новый подход: в этих местах их не было с прошлого холодного времени. Ираида спустилась проверить, Савва пошёл за ней. Когда он оказался на середине лестницы, три ступени провалились вместе с ним.

Всё это она рассказала быстро, без остановок, пока Федот выбирал место для спуска. Потом повторила, что Савва живой, и показала на нижнюю стену. Там, в тени, виднелись плечо и рука.

— Он отвечает, только тихо. Я не могу к нему. Пыталась — вот.

Она развернула ладонь. Кожа была содрана, в кровь набился песок. Степан подал ей свою бутылку, но Ираида только намочила пальцы и прижала бутылку к груди.

— Ему оставим.

Василий принёс верёвку, короткую лопатку и свёрток чистой ткани из Федотовой поклажи. Шёл он без шуток, внимательно глядя под ноги. Наверху остались Ася и Даша с животными; седельного уже уложили, и обе женщины стояли рядом, держа поводы грузовых.

— Что там? — спросил Василий.

Степан показал вниз. Луч фонаря упёрся в лицо мужчины. Тот лежал на боку, прижав левую руку к груди, и щурился от света.

— Савва! Слышишь?

— Не свети в глаза.

Степан отвёл луч. От облегчения хотелось рассмеяться, но Василий не улыбнулся. Он разматывал новую верёвку, пропуская её через ладонь.

— Вставать можешь?

— Ногу зажало.

— Чем?

Мужчина попытался повернуть голову.

— Камнем. Не вижу я.

До него было немногим больше человеческого роста, но спуститься по наклонным обломкам значило сдвинуть их на него. Справа уцелела стена с широким выступом; ниже выступа кладка была целой. Федот надавил на неё шестом, потом ударил несколько раз. Глухой звук не изменился.

— Здесь, — сказал он.

Степан снял рюкзак, положил под аркой и отдал фонарь Федоту. Василий обвёл верёвку вокруг низкого каменного столба возле стены. Дёрнул, проверяя, не шатается ли он, и подал конец Степану.

— Под мышки. Я держу. Не привязывайся, если придётся в сторону уйти.

Степан пропустил верёвку за спиной. На мгновение ему вспомнились руки Василия, поправлявшие такую же петлю много лет назад, на другом спуске. Он не помнил, что они тогда везли, зато помнил, как напарник сердился из-за намокших рукавиц и как потом отдал ему сухую пару, оставив себе мокрые.

— Не смотри на меня, — сказал Василий. — Вниз смотри.

Степан сел на край, нашёл ногой выступ и медленно опустился. Верёвка натянулась под руками. Ещё ниже удалось поставить носок на шов кладки; он перенёс вес, соскользнул последние полшага и оказался рядом с Саввой. Освободился от петли и отдал верёвку наверх.

Тот был старше, чем показалось сверху. В бороде седели густые пряди, на виске темнела ссадина. Левая рука лежала неудобно; Степан не стал её трогать. Присел у ног и убрал несколько лёгких камней. Под ними обнаружилась длинная плита, придавившая правую штанину к земле. Ступня уходила под её край.

— Башмак вытащить можешь?

— Я пытался.

— Саму ногу. Из башмака.

Савва сжал зубы и потянулся. Степан остановил его, заметив, как напряглась голень.

— Погоди. Не так.

Он просунул пальцы к застёжке, расстегнул её, но места всё равно не хватило. Плита лежала наискось; ближний конец можно было приподнять, если найти опору. Степан попросил шест. Федот опустил его сверху, затем спустил на верёвке лопатку.

— Осторожно подкапывай, — сказал он. — Там песок.

Степан сгребал его понемногу. Плита не шевелилась. Савва молчал, только дышал через открытый рот, а сверху Ираида всё время спрашивала, что они делают. Федот отвечал ей и одновременно держал фонарь. Василий оставался у столба, не выпуская свободный конец верёвки.

Когда под краем образовалась щель, Степан вставил шест и положил под него небольшой плоский камень. Нажал обеими руками. Дерево тихо хрустнуло. Плита поднялась едва заметно, но Савва успел подтянуть колено.

— Ещё!

Степан надавил сильнее. Шест прогнулся; в верхнем слое дерева побелела длинная трещина. Савва выдернул ногу, а следом из-под плиты выскользнул башмак. Степан отпустил шест. Камень глухо сел на место, обдав их обоих песком.

Сверху раздался короткий крик Ираиды.

— Вытащили! — крикнул Степан. — Всё, вытащили!

Он помог Савве сесть и только тогда заметил, как дрожат у самого пальцы. Мужчина держал правую ногу за колено. На носке возле пятки проступило тёмное пятно.

— Не вставай пока.

— Я и не собирался, — ответил Савва. — Я лежать хочу. Где угодно, только не тут.

***

Поднять его оказалось труднее, чем освободить.

Ираида спустила свою широкую накидку. Из неё сделали сиденье, протянув верёвку под бёдрами и за спиной, но Савва не мог держаться левой рукой. При первом рывке он вскрикнул, и Степан сразу велел опустить. Сверху посыпались мелкие камни. Ираида отступила от края, закрыв рот ладонью.

— Я спущусь, — сказал Федот.

— Наверху нужнее, — ответил Степан. — Мне только до выступа его поднять. Потом подхватишь.

Он снял свою куртку, свернул и подложил Савве под левый локоть. Мужчина прижал свёрток к груди здоровой рукой. Степан обхватил его сзади, заставил опереться целой ногой на низкий обломок и подождал, пока сверху выберут слабину.

— Теперь вместе. Не резко.

Василий тянул. Федот стоял на колене у края, готовясь принять вес. Степан толкал снизу, чувствуя сквозь чужую рубаху выступающие рёбра. Савва не кричал, только повторял сквозь зубы одно короткое ругательство. Когда его плечи оказались выше выступа, Федот подхватил

здоровую руку. Ираида с другой стороны потянула накидку, и втроём они перевалили Савву на площадку.

Степан остался внизу. Подал наверх лопатку и треснувший шест, затем сел на камень и приложил ладонь ко лбу. Пот попал в глаза. Он моргнул, увидел на соседней стене неглубокую нишу и в ней — край глиняной миски. Кто-то когда-то ставил туда посуду. Ниже ниши шла полоса копоти, а справа торчал железный крюк.

Это была не просто яма под дорогой. Лестница провалилась в комнату.

Он поднял фонарь, который Федот теперь спустил ему. На стене обнаружилась дверь, заваленная песком до верхней поперечины. По другую сторону могли оставаться ещё комнаты, улица, люди. Степан задержал свет на тёмной щели.

— Есть кто-нибудь? — позвал он.

Ответа не было. Потом прямо над ним ударил колокол, и он инстинктивно пригнулся.

Арка с пустой бронзой находилась выше и левее. Звук пришёл из-за засыпанной двери.

— Степан! — крикнул Василий. — Давай руку!

Он убрал фонарь в карман и подошёл к стене. Федот опустил ему верёвку; Степан пропустил её под мышками, а Ираида выбрала слабину у столба. Василий лёг грудью на край, вытянув руку почти до его плеча. Степан поставил ногу на выступ и ухватился за запястье. Федот удерживал напарника за пояс, Ираида тянула верёвку, помогая Степану не соскользнуть.

Наверху он несколько мгновений стоял на коленях. Василий сидел рядом и тяжело дышал. На его ладони осталась красная полоса от верёвки.

— Ты чего там застыл?

— Комната внизу.

— Вижу. Давай потом.

Степан поднял рюкзак. Савва лежал возле жены; Ираида поила его маленькими глотками из Степановой бутылки. Его правая стопа уже была обёрнута чистой тканью из принесённого Василием свёртка. Старый башмак валялся рядом.

— Надеть сможешь? — спросил Степан.

Савва покачал головой.

Ираида поправила застёжку на левом башмаке и потом долго держала ладонь на его колене. Степан отвернулся, чтобы не смотреть на это дольше, чем нужно.

Федот первым вышел на ступени. Шест был надтреснут, и он больше не опирался на него, только проверял песок перед носком. Мужчины помогли Савве подняться, Ираида шла сзади, неся его башмак и Степанову куртку. У верхнего края их встретила Ася. Она уже сняла сумку и оставила возле животных.

— Дайте с этой стороны.

— Не за левую руку, — предупредил Степан.

Ася обхватила Савву за пояс, и они провели его последние шаги вместе. Даша стояла возле уложенного верблюда. Свой мешок и свёрток с колокольчиками она убрала на землю, освободив седло. Когда Савва попытался поблагодарить её, она только показала на животное:

— Сюда. Я держу.

Степан помог ему устроиться. При подъёме верблюда Савва побледнел и закрыл глаза. Ираида держала его за край одежды, пока не стало ясно, что он усидит.

Только после этого она вспомнила об осле.

***

Осёл стоял по другую сторону арки, привязанный к тележке. Федот прошёл туда по краю, нашёл целую полосу дороги, отвязал животное и вывел наверх. Потом мужчины вернулись за

тележкой. Одно её колесо застряло между камнями; втроём они высвободили его, но отломанный обод остался внизу. Везти груз дальше было нельзя.

Ираида спустилась к шкурам. Потрогала верхнюю связку и позвала мужа. Савва ответил сверху, не видя, что она делает:

— Оставь.

— Это всё, что мы взяли.

— Я знаю.

Она ещё несколько мгновений стояла возле тележки. Потом сняла небольшой холщовый мешок, который был привязан под сиденьем, забрала флягу и поднялась к ним. Шкуры остались там, где лежали.

— Потом людей пришлю, — сказала она Федоту. — Ты место запомнил?

— Запомнил. Только не знаю, что здесь завтра будет.

Она кивнула. Ей не понравился ответ, но спорить с ним было некому.

Степан посмотрел на часы. Они потеряли больше часа. В темноте эта потеря ещё казалась небольшой; до камня оставалось достаточно пути, и каждая остановка уменьшала время, которое можно было провести в тени. Савва сидел на верблюде, придерживая здоровой рукой свёрнутую куртку под локтем. Даша шла пешком. Её свёрток с колокольчиками теперь был закреплён поверх ближайшей корзины.

Василий собрал верёвку. Он старался делать витки ровными, но обожжённая ладонь плохо слушалась. Степан протянул руку.

— Дай я.

— Сам закончу.

— Ладонь покажи.

Василий разжал пальцы. Кожа на середине ладони была содрана. Степан достал из бокового кармана рюкзака маленький пакет с перевязкой и протянул ему. Василий посмотрел на него с раздражением, будто тот предлагал не бинт, а признание слабости.

— Возьми. Я верёвку смотаю.

Напарник отдал конец. Пока он оборачивал руку, Степан сделал оставшиеся витки и закрепил моток на поклаже. Треснувший шест Федот укоротил ножом: верхняя часть ещё годилась, но для прощупывания глубоких мест уже не хватало длины.

Ираида подошла к Асе. Посмотрела на неё, потом на Степана.

— Вы откуда?

— От печей, — ответила Ася.

— Я вижу, что от печей. Сама ты откуда?

Ася помедлила.

— С земли.

— А раньше?

Степан застегнул ремень на поклаже и повернулся. Ираида глядела на Асю без вражды, но очень внимательно. Откуда-то из сумерек снова шёл звон, и приходилось вслушиваться в каждое слово.

— Мы встречались? — спросила Ася.

— Нет. Я лицо не помню. Выговор у тебя такой. У белой стены женщины некоторые так говорят. Слово закончила, а будто ещё не всё сказала.

Ася отвела глаза.

— Я там жила.

— Давно?

— Давно.

Ираида кивнула и пошла к мужу. Она не стала спрашивать дальше. Подтянула его флягу к седлу, проверила, не слишком ли туго завернули ногу, и подала ему край своей накидки, чтобы укрыться от ветра.

Степан ждал, когда Ася посмотрит на него. Она не посмотрела. Нагнулась за сумкой, подняла на плечо и направилась вслед за Дашей.

— До камня отсюда в какую сторону шли? — спросил Степан у Ираиды.

Она показала назад вдоль впадины.

— За теми двумя гребнями. Но мы не у самого камня были. В стороне прошли.

Федот проследил за её рукой. На миг его лицо стало спокойнее: чужой след подтверждал, что большой камень ещё не закрыло песком. Потом он обернулся к арке. Колокол висел над пустой площадкой. Красный обрывок рукава остался на ступенях и шевелился от ветра.

— Тут когда-нибудь жили? — спросила Даша.

— Жили, — ответил Степан.

— А теперь?

— Не знаю.

Она посмотрела вниз, туда, откуда они вытащили Савву. Степану самому хотелось вернуться с фонарём и посмотреть внимательнее. Но Савва держался в седле только потому, что Ираида шла рядом, а восточный край неба уже начинал терять черноту.

Федот повёл первого грузового верблюда вдоль камней. Василий взял повод второго, Степан — животного с Саввой. Осла Ираида привязала к своей поясной верёвке. Так идти было неудобно, зато оставалась свободной рука, которой она поддерживала мужа.

Они успели отойти недалеко, когда звон внезапно прекратился. Не затих, не растаял в песке — оборвался на середине удара. Ираида остановилась и подняла голову. Савва открыл глаза.

Из-под арки донёсся слабый стук. Три коротких удара, пауза, ещё три.

Степан оглянулся на Федота. Тот тоже слышал. Проводник поднёс палец к губам и ждал, не двигаясь. Все остановились, даже осёл перестал тянуть Ираиду.

Три удара повторились. Потом со стороны стены прозвучал голос Саввы:

— Не свети в глаза.

Ираида вскрикнула. Муж попытался повернуться в седле, но Степан удержал верблюда и велел ему сидеть прямо.

Голос повторил те же слова — с тем же раздражением, с тем же коротким вдохом перед «глаза». Савва смотрел на жену, открыв рот. Он молчал.

— Идём, — сказал Федот.

Он не побежал. Просто потянул повод и шагнул вперёд, заставляя остальных двигаться следом. Степан держался возле Саввы. За ними снова раздалось «Не свети в глаза», теперь чуть тише. Даша схватила Асю за руку, но не обернулась.

У первого гребня голос исчез. Степан ещё долго слышал его в собственном дыхании и старался смотреть только на спину впереди идущего верблюда. Когда Ираида попросила остановиться и напоить мужа, он ответил не сразу: нужно было убедиться, что она действительно идёт рядом и шевелит губами.

Глава 9. Тень камня

Савву напоили возле первого гребня. Ираида вернула Степану почти пустую бутылку и попросила не сердиться: муж пил часто и понемногу, всякий раз забывая, что вода чужая.

— Она для того и была, — ответил Степан.

Он убрал бутылку в рюкзак. Даша достала из своего мешка платок, повязала на голову и только после этого снова подняла мешок на плечо. Он болтался на одном шнурке, ударяя её по бедру. Степан хотел предложить переложить его на груз, но девушка уже пошла вслед за Асей, и он оставил это до привала.

Камень показался, когда солнце поднялось над грядой. Сначала Степан увидел тень — длинную, плоскую, похожую на дорогу, которую кто-то проложил по песку тёмной краской. Потом появился сам камень. Он лежал на боку, нависая широким краем над промоиной. Под этим краем могли поместиться и люди, и животные.

Федот остановил караван в стороне, сходил проверить нишу и вернулся с чужой пустой кружкой. Стряхнул из неё песок и поставил на выступ, где следующие путники сразу её увидят.

— Здесь.

Они уложили верблюдов, сняли часть поклажи и помогли Савве спуститься. Он застонал, когда правая нога коснулась земли, но сразу замолчал и сам добрался до расстеленного брезента, опираясь на плечи Степана и жены. Ираида села рядом, положила его больную руку на свёрнутую куртку и стала развязывать ткань на стопе. Степан отвернулся к воде: смотреть всем сразу на чужую боль было незачем.

Федот открыл один из кувшинов. До этого они пили из своих фляг; теперь он наполнил их по очереди и отложил общий сосуд в самую глубокую тень. Животных он напоил из запасных кожаных ёмкостей, снятых со второго вьюка. Пока возился с ними, Василий поставил корзины так, чтобы на них не давил край брезента, а Даша проверила оба колокольчика. Целые. Она завернула их обратно, втиснула свёрток между своим мешком и рюкзаком Степана и легла рядом на бок.

Василий сел возле входа в нишу. Повязку на ладони он не снял; пальцы сгибал медленно, будто пробовал, не разучились ли. Степан принёс ему воды и протянул кружку за ручку, чтобы не пришлось обхватывать горячий металл.

— Обе содрал?

Василий поднял правую.

— Обеими работал. Эта одна решила пожаловаться.

Он выпил и поставил кружку на песок. Степан сел рядом. Снаружи было уже светло настолько, что дальняя гряда теряла очертания. Он ждал, пока напарник сам скажет о лестнице, но Василий смотрел на Савву.

— Далеко его ещё везти.

— До двора.

— Я слышал. Оттуда они вышли, туда мы и идём. Просто говорю: далеко.

Степан прислонился к камню.

— Спасибо тебе.

— За что?

— За руку. Когда вытаскивал.

Василий посмотрел на него с удивлением.

— Ты бы мне не дал?

— Дал бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.